

Василий Панфилов

СМЕРТЬ
БУРЖУАЗИИ

И ЕЯ ПРИХВОСТНЯМ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
КРАСНЫЙ ТЕРРОР!!

ПАСАДАЛ 1918

ПЕТРОГРАДСКИЙ ГУБЕРНАЛЪ

БЕЗ ЦАРЯ...

Без Веры,

Царя

и Отечества

Василий Сергеевич Панфилов

Без Царя...

Серия «Без Веры, Царя
и Отечества», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67730885

2022

Аннотация

Я не хотел перемен! Никаких! Но когда Судьба закинула меня в прошлое, я сцепил зубы и начал строить свою жизнь заново. Через "не хочу", "не могу" и депрессию, унаследованную от нового болезненного тела. Снова – сам. Без помощи семьи, и часто – вопреки всему!

Я знаком с Цветаевой и Волошиным, тренируюсь у Гиляровского и тренирую братьев Старостиных, пока не легендарных. Мне уже обеспечены скупые строчки в учебнике истории для старших классов, и есть интересные перспективы, позволяющие войти в Историю с пинка, распахивая настежь двустворчатые двери!

Выбор огромен!

Но знаете... к чёрту! Я, может быть, и попаданец, но не псих!

Я сцепил зубы и готовлюсь выживать в наступающем хаосе Гражданской войны, и желательно – за пределами

Российской Империи! Я не хочу воевать в братоубийственной войне и погибать от холеры. Не хочу быть расстрелянным в подвалах ЧК или контрразведкой Белых, становиться смазкой Государственного Механизма и быть той самой статистической щепкой при рубке леса!

Содержание

Пролог	5
Глава 1 В которой Герой строит планы на жизнь, а Жизнь, в свою очередь, строит Героя	18
Глава 2	39
Глава 3	59
Глава 4	81
Глава 5	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Василий Панфилов

Без Царя...

Пролог

– Студент, – выдохнул перегаром дражайший родитель, разрываясь между гордостью за наследника рода Пыжовых и ревностью человека, который получил аттестат зрелости несколько сомнительным путём.

– Ох, Алексей... – стоя в дверях спальни прошептала Люба, прижав тонкие пальцы к вискам, – какой ты взрослый стал!

Сестра сморгнула раз, другой... и неожиданно расплакалась. Слезы текли из её глаз, а она улыбалась кривящимися губами...

Не зная, что делать, я поступил так, как делал в прошлой жизни, просто шагнув вперёд и обняв сестру, прижимая её к себе. Люба крепко обняла меня, и уткнувшись в обтянутое студенческим мундиром плечо, зарыдала с утроенной силой.

Вздыхнув, я с некоторым сомнением положил руку на её русую голову и осторожно погладил, не говоря ни слова. А что тут скажешь...

Нина, стоявшая до того молча, заморгала часто-часто и шагнула к нам, обнимая обоих.

Выглянувшая с кухни Глафира застыла, глядя на меня, и промокнув глаза передником, начала часто-часто крестить нас, шепча что-то беззвучно и шмыгая покрасневшим носом.

– Ну... взрослые совсем, – как-то удивительно не к месту сказал отец, – схватит реветь-то!

Выдохнув несколько раз, Юрий Сергеевич раздражённо дёрнул щегольской ус, наматывая его на палец, и зачем-то потянул в рот, зажевав напомаженные волосы и тут же выплюнув их в большом раздражении.

– Ну... – уже менее решительно сказал родитель и шумно вздохнул, испортив воздух парами алкоголя, смешанного с застарелым перегаром. Потоптавшись, он раздражённо повёл плечами, и шагнув к нам, попытался обнять всех троих, отчего только стало неловко и как-то душно.

Постояли так несколько секунд, и Люба наконец зашевелилась, поведя плечами и сбрасывая отцовскую руку. Объятия как-то сами собой распались, и недавнее чувство родственного единения ушло прочь, подобно утреннему туману.

– Я... – начало было старшая сестра, явственно смущённая и подыскивающая какие-то оправдания недавней своей слабости.

– Не надо, – прервал я её, – ничего не говори! Иногда можно... вот так. Даже надо.

Она кивнула и отошла, чуточку печально улыбнувшись мне и Нине. В этой улыбке была грусть по промелькнувшему

незадачливому детству, сожаление о небывшем и все те эмоции, которые умудряются показать женщины, даже не подразумевая их.

– Студент, – наконец отвечаю отцу, расправляя слегка помятый мундир, – вот... Императорский Московский Университет.

– А мундир-то, мундир! – перебивая собственную эмоциональную неуклюжесть, излишне живо заговорил дражайший родитель, – Уже и пошит, а? Не веришь в приметы, значит?

Пожимаю плечами. Верю, не верю... подарок! Сказались мои связи в среде московских букинистов, лингвистов, филологов и прочей гуманитарной публики. Скинулись по рублику и устроили, понимаешь ли, сюрприз.

Но говорить об этом отцу как-то не тянет, откровенно говоря. У нас с ним... сложные отношения. Я бы даже сказал – токсичные. Нездоровые.

С одной стороны, я наследник славного рода Пыжовых, достойный продолжатель, который не посрамит...

... собственно, вариантов, чего именно я продолжаю, не посрамляю и далее, у отца достаточно много, и некоторые из них весьма противоречивы. Наслушался. От некоторых версий оторопь брала поначалу, пока не понял толком, что же такое за существо – давно и крепко пьющий алкоголик с развитой фантазией, многожды продырявленной памятью и острым чувством собственного превосходства над всеми окру-

жающими по праву рождения, круто замешанного на столь же остром чувстве собственной неполноценности.

С другой стороны я «Как будто и не Пыжов!» по раздражённой обмолвке дражайшего родителя. Подозревать ма-тушку в измене он не думает, очень уж мы с ним похожи. Я видел его детские фотографии и наброски карандашом, сохранившиеся от упражнявшихся в рисовании родственни-ков. Не один в один, но внешнее сходство очень велико. К счастью, только внешнее...

Но мои слова и поступки папеньку раздражают чрезмерно, хотя он и не всегда в состоянии объяснить эту раздражи-тельность даже сам себе. Тема моих заработков и тот факт, что с тринадцати лет я де-факто самостоятелен и содержи-себя сам, более чем серьёзно участвуя в содержании сестёр, в нашем доме отцом не поднимается в принципе. Табу!

Он досадливо морщится и суровеет лицом, когда я (все-гда при свидетелях!) даю Глафире свою долю на содержание дома, или приношу что-нибудь сёстрам. Его, пожалуй, более всего устроило бы, если я продолжал вносить средства в се-мейный бюджет, но молча и не выпячиваясь.

А я, зная не понаслышке характер дражайшего родите-ля и отнюдь не сахарных сестёр, просто вынужден показы-вать свою добычливость и маскулинность демонстративно. В противном случае, всё это быстро станет «как так и надо», и на семейном совете голос мой будет значить чуть больше голоса нашей служанки. Да и то...

Папенька наш вообще противоречив на удивление. В одном хитрозапутанном клубке требований от него – необходимость «соответствовать» неким постоянно меняющимся стандартам аристократии. С другой – не привычка даже, а какая-то болезненная, мстительная потребность вытирать об меня ноги.

Очевидно, я «по щелчку» должен переключаться, являя собой дома натуральную тряпку, а в гимназии и в обществе вообще, становиться эталонным (по мнению родителя) представителя аристократического сообщества, старинного рода московских бояр. Что там у него в голове, понять решительно не могу... Боюсь, здесь нужен не психолог даже, а психиатр!

За последние пару лет глава рода Пыжовых ощутимо сдал. Он по-прежнему бодр физически, пьёт не просыхая и ходит по проституткам, но вот интеллектуально заметно просел. Собственно, оно и неудивительно...

«– Где славное молодчество и весёлые проказы!? А-а... да что с тобой говорить, таким правильным и скучным! И вообще, я-то пожил! Есть что вспомнить! А ты... эхма, не понимаешь ничего! Жить надо, жить одним днём! А не тлеть!»

– ... а славный мундир-то! – не унимается родитель, одобрительно кхекая, крякая и щупая мундирное сукно, – Иному гвардионцу на зависть! То-то...

Он подкрутил обвисший ус и заулыбался самодовольно, зашевелив губами и приняв горделивую позу – так, что мне

на миг почудилось, будто папенька с победительным видом держит речь перед кем-то из своих знакомцев. Не иначе как репетирует!

– А всё-таки наша кровь, Пыжовская! – сказал он несколько не к месту. Хотя... не знать если, что это подарок, то дорогой мундир и правда выглядит желание щегольнуть, пустить пыль в глаза на последние деньги.

По настоянию отца, за ужином я сидел в мундире, отчего и праздник был не в праздник. Хотя я и ем очень аккуратно, но вот привычки именно к дорогой одежде у меня не сложилось, и чувствовал себя за столом я исключительно неудобно.

– ... а мы, помнится, – повествовал дражайший родитель, то и дело кхекая и блестя глазами, – с князем Львовым в том садочке...

Как это обычно у нас и бывает, праздник любого рода превратился в театр одного актёра. Папенька блистал в нашем узком семейном круг, ел, пил, и токовал, рассказывая о своей необыкновенно интересной молодости.

«– Раньше он хотя бы не так откровенно выдумывал» – подумал я озабоченно, переглядываясь с Любой на очередном пассаже завравшегося родителя, летающего в данный момент на диражбле над позициями турок.

Накидался он быстро, но тренированный частыми застольями и закалённый многолетними возлияниями, держался на ногах относительно твёрдо и вёл себя не то чтобы со-

всем здорово, но бойко и живо. Поглядеть со стороны, да не зная его толком, так вполне приятный немолодой господин на дружеской пирушке.

«— А ведь мне придётся с его сослуживцами и приятелями в ресторане пить» — пронзила голову тоскливая мысль. Не то чтобы я не могу избежать этого мероприятия в принципе...

... но это тот самый случай, когда меня не поймут знакомые из тех, кого считают наилиберальнейшими ниспровергателями всего и вся. Семья!

Погрустнев, расковырял вилкой в тарелке, да и замолчал, погрузившись в мысли и перестав даже поддакивать дражайшему родителю.

— ... а как мы с вашей матушкой танцевали! — повествовал Юрий Сергеевич, прикрыв глаза и дирижируя перед собой чайной ложечкой, а потом и вовсе — стал напевать. Благо, голос и музыкальный слух у всех Пыжовых есть, да и дворянское воспитание, заточенное на гуманитарную составляющую, подразумевает в том числе и музицирование.

— ... а вот рябиновой, рябиновой извольте! — напевно произнесла Глафира, поставив перед ним запотевшую стопку, — Извольте!

Благодарно киваю ей и одними губами говорю «Спасибо!», на что служанка зарделась и заулыбалась. Нет, ничего такого... ни интима, ни высоких чувств между нами нет. Однако же отношения вполне приятственные и почти родственные.

Вообще, Глафира как-то очень хорошо влилась в нашу семью. Да, можно сказать, что после Фроси любая мало-мальски адекватная прислуга показалась бы ангелом небесным!

Но Глафира, хотя и не светоч разума, человек вполне славный и добрый, и что называется, прижилась. А после того, как сёстры научили её работать на машинке, а я подарил ей «домашний» «Singer» б/у, приобретённый по случаю на Сухаревке и самостоятельно отремонтированный, она стала прямо-таки частью семьи Пыжовых!

– ... икорочкой! – напевно гипнотизировала служанка родителя, не столько спаивая его, сколько окружая флером заботы и давая нам возможности уйти из-за стола без эмоциональных потерь и психологических травм. Одновременно с этим она прибиралась со стола, бегала на кухню и с интересом (искренним, что немаловажно!) слушала завиральные байки Юрия Сергеевича.

Утомительный ужин потихонечку подходит к концу, а папенька, так и не успокоившийся, всё травит свои байки, переидя на какие-то гнусноватые скабрёзности. Я понимаю, что он уже сильно сдал, но...

– ... мы с вашей матушкой шалили по молодости, хехе! – он облизнул губы белым, обложенным языком, сощурил припухшие глаза и явно вознамерился сказать что-то...

– А вот и полынная! – подоспела Глафира, буквально вбивая стопку в рот папеньке, – Ам! Вы, Юрий Сергеевич, какую предпочитаете водочку? Травки сейчас пошли духови-

тые, интересные для настоячек! Так что мне присматривать, Юрий Сергеевич?

– А... кхе... – он отстранился недовольно, но служанка уже успела выучить слабые места своего нанимателя, и не унималась.

– Оно ведь не просто так, Юрий Сергеевич! Не просто травки в водочку бухнуть, а по всей науке! – тараторила Глафира, не давая ему вставить слов, – Да чтоб собрано было в надлежащее время! Это сейчас уже надо присматривать, чтоб в полной, значит, уверенности быть!

– А... – задумался дражайший родитель, вовлекаясь в увлекательную дискуссию о наливках, настойках и запотевших (строго со льда!) стопочках, – кхе! Эта...

– Ну вы как всегда правы, Юрий Сергеевич! – всплеснула руками Глафира, – Вот чтоб без вашего ума мне делать?

Папенька ничего не понял, но на всякий случай приосанился и выпрямился на стуле, приняв молодцеватый вид и разглаживая усы.

– Вот так вот... – одними губами прошептала Люба, глядящая на отца с тоской, – а ведь когда-то...

... а я вот так и не смог вспомнить, а было ли это «Когда-то»?

Наконец ужин закончился, Глафира увела мычащего и пускающего слюни родителя в спальню, а я, стянув с себя осточертевший мундир и пропотевшее бельё, ополоснулся

наскоро под холодной водой и ушёл к себе в комнату, пожелав предварительно сёстрам спокойной ночи.

Выключив свет и распахнув настежь окно, я опёрся локтями на подоконник, и некоторое время бездумно смотрел во двор, где в сгущающихся сумерках ещё играли во дворе дети, а хозяйки доделывали свои дела, снимая с верёвок бельё и загоня курей в курятники.

– Тысяча девятьсот семнадцатый... – сказал я зачем-то вслух, закрывая наконец окно и задёргивая шторы, – вот они и настали, интересные времена! Тик-так... тикают часики Апокалипсиса.

Настроение, и без того не самое лучшее после семейного застолья, стремительно покатилося вниз. Опять начало казаться, что всё зря, и что все мои далеко идущие планы не значат ровным счётом ничего!

Окончание гимназии экстерном в «почти шестнадцать» и поступление в университет. Предстоящая свадьба Любы, выходящей замуж за блестящего морского офицера. Все мои планы на «после России»...

... всё может идти к чёрту! Один единственный выстрел в охваченной революционными событиями Москве, одна тифозная вошь, подхваченная «Испанка» или любая другая трагическая случайность, и все мои планы полетят в пропасть! Но я переборол минутную слабость...

– Так... – поудобнее умащиваю седалище на венском стуле и подтягиваю к себе карту Москвы, а затем открываю пап-

ку с газетными вырезками и начинаю работу. Карта потихонечку обрастает пометками, которые правятся по многу раз...

... а я заучиваю наизусть не просто карту Москвы, но и все те места, которые в ближайшей перспективе могут стать опасными и...

... многообещающими. По ситуации, которая во времена революционных потрясений может меняться ежечасно. Казармы и полицейские участки, вокзалы и все подходы к ним, с мало-мальски значимыми зданиями.

... особняки политических деятелей, будь то чиновники, депутаты Думы или оппозиционеры.

... схему железных дорог в Москве и Подмосковье, речные пристани и все те места, где есть стоянки извозчиков.

... гетто и воровские притоны, скупки краденого и контрабанды.

Всё по возможности – с телефонами и адресами, именами и фотокарточками, вырезанными из газет или за малую мзду взятые в полицейских участках. Я не знаю, что из этого может пригодиться во времена Апокалипсиса, но не просто запоминаю...

Кривые, косые планы, наброски в несколько строк, стрелочки от особняка банкира до здания банка, и кратко – кто покровитель, чем могут надавить, если ли родные... и так во всём. Политики и генералитет, банкиры и заводчики, уголовные авторитеты и скупщики краденого, консулы европей-

ских государств и университетская профессура.

Кто где и на что живёт, какие имеет политические взгляды и действительно ли эти взгляды таковы, есть ли связи с иностранными государствами и родственники за пределами Российской Империи. Схемы, планы, карты, наброски в тетрадах. Два ящика письменного стола, запертых на ключ.

Полюбопытствует кто? Ничего страшного! Честолюбивый молодой человек хочет выстроить удачную карьеру. Бывает.

А так...

... мне шестнадцать, и хотя я гордый обладатель аттестата зрелости и студент Императорского Московского Университета, это не делает меня совершеннолетним. Я официально эмансипирован, но по-прежнему несовершеннолетний! Дурацкая ситуация... но какая уж есть.

Всё, что я могу в настоящее время, так это зарабатывать репутацию и обрести связями. Даже поступление в Университет... уж на что я не знаю истории, но помню, что с осени семнадцатого года занятий в Университете фактически не было. Были митинги, заседания, революционные штабы... но не занятия. По крайней мере, в должном объёме.

Да и чёрт с ними! Мне нужна репутация студента. Не гимназиста и даже не человека, уже окончившего гимназию, а именно студента. Я по-прежнему намереваюсь получить высшее образование, а зная немного европейскую психологию и бюрократию, продолжить учёбу, пусть даже и в другой стране, мне будет много проще, чем поступить с ноля.

А ещё – связи. Студенчество, профессура, учёные... я не знаю, как повернётся ситуация, но меня должны не просто знать, но и воспринимать как человека многообещающего и полезного, которому можно и должно (!) оказать помощь.

А пока...

– Каледин Алексей Максимович...

Глава 1 В которой Герой строит планы на жизнь, а Жизнь, в свою очередь, строит Героя

– Проблемно... – выдыхаю я, глядя в разложенные на столе бумаги, и обхватываю руками коротко стриженую голову.

– ... ирод ты, Петька, вот уж я тебя, неслуха! – донеслось из раскрытого окна. Я поморщился досадливо, а во дворе продолжался шумный разнос несносного Петьки.

Зажал было уши руками, но только укололся грифелем, да ещё и обломав кончик. Чертыхнувшись негромко, отложил в сторону карандаш, потёр потные виски и снова уставился в бумаги.

– ... и если ты ещё раз, – разорялась проклятая баба, даже не думая приглушать голос, так что я зашипел от досады, не хуже чайника на примусе.

После неудачного мартовского восстания, подавленного войсками с необыкновенной жестокостью, в Москве и Петрограде¹ не было ни одного хоть сколько-нибудь заметного митинга. А цензура, и без того бессмысленно жестокая и тупая, выплеснулась за рамки здравого смысла.

Народ притих, но протестные настроения остались, по-

---

¹ Не оговорка. 31 августа, 18 августа по старому стилю, 1914 года указом Императора Николая II город Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

крывшись гнойной коростой гвардии, казаков, которых ради этого снимали с фронта, и не слишком многочисленных, но яростно-патриотичных черносотенцев, которые выискивают крамолу и бунтовщиков с упорством психопатов. Сколько погибло народа во время мартовских событий, подсчитать невозможно, но даже правительство, склонное к преуменьшению неугодных ему цифр в разы, а то и в десятки раз, говорит о тысячах убитых бунтовщиков.

... я потом видел следы пуль на кирпичных стенах, и плохо замытые следы крови, говорящие даже не о боях, а о расстрелах!

А протест пока прорывается вот так вот... В готовности к скандалу, в громких разговорах, в угрюмом молчании.

Многие даже и не понимают толком сути происходящего, и спроси их о протесте, участии в митингах или (упаси Боже!) восстаниях, так даже и не поймут вопроса. Или по малоумию своему, начнут пенять на псаля, а не на царя, уверяя в верноподданических чувствах и выступая за войну до победного конца, да против социалистов, о которых малоумные знают только, что они злодеи и за германцев.

А я... молчу. Пророков и витий, вещающих о новой Революции, хватает и без меня. Хватает неглупых людей, понимающих суть происходящего. Готовятся... кто как может.

Одни – разжигают пожар Революции, искренне или же просто желая вскочить на отъезжающий поезд.

Другие – тушат, столь же искренне полагая любые жесто-

кости вполне уместными в свете надвигающейся катастрофы.

Третьи... а вот последних большинство, и они готовы пойти за любой партией и любым лидером, который поведёт их куда-то. К светлому ли будущему, или к не менее светлому прошлому... не суть. Своего мнения они не имеют и колеблются вместе с линией правящей партии. Не будучи приспособленцами, они искренни в своих колебаниях...

... и вот это – страшно!

А я, вместо того, чтобы делать что-то для страны и Истории, сижу над тетрадкой и пытаюсь свести воедино данные домашней бухгалтерии, латая скудноватым бюджетом многочисленные дыры семейной экономики. Финансовые неурядицы ещё не постучались в наш дом, но сводить концы с концами непросто.

С началом войны цены сильно выросли, и в первую очередь на продукты первой необходимости. Хлеб и крупы подорожали в два-три раза, и всё кричит о том, что это не предел! Не слишком отстаёт мясо, яйца и молочка.

Инфляция пока сдерживается искусственными и не всегда популярными методами, вплоть до продразвёрстки у крестьян, начатой ещё в шестнадцатом. Не знаю... я не экономист и не могу судить здраво, но почему власти вместо кнута продразвёрстки не хотят применять ещё и пряник, понимаю плохо.

Вариантов, на самом-то деле, немало. Начиная от налоговых льгот добросовестным крестьянам в будущем, каких-нибудь специальных медалей и социальных ступенек, заканчивая, к примеру созданием сельскохозяйственных кооперативов на специально выделенных для этого Кабинетских² землях.

Немного... достаточно несколько процентов! Да хватит даже самого намерения передать часть Кабинетских земель в руки крестьянских общин, и у Романовых не будет более крепкой поддержки за всю историю Российской Империи! Но нет...

... не понимаю. Впрочем, я не экономист, не социолог и тем паче не политолог. Все мои рассуждения дилетантские и поверхностные, а ситуацию я рассматриваю с точки зрения человека двадцать первого века.

– Так... – отбросив посторонние мысли, возвращаюсь к исчерканной пометками тетради. Это не просто дебет-кредит с покупкой говядины и яиц, а настоящее уравнение со многими неизвестными.

Значительная часть моих доходов несколько... виртуальна? Да, наверное так можно сказать.

К примеру, часть доходов от букинистики составляют книги, и ценность некоторых томов достаточно велика. Но... конъюктура этого рынка очень специфична, и куда как слож-

---

² **Кабинетские земли** – собственность императорской фамилии, управлявшаяся Кабинетом его императорского величества.

нее той же торговли зерном. Даже в военное время!

Нужно учитывать массу факторов, в том числе и переменчивую моду на каких-то писателей или жанровые направления. А Революция? Несколько месяцев, и страну начнут покидать состоятельные люди, по мере возможностей увозя с собой всё самое ценное, в том числе, разумеется, и книги.

А сама Российская Империя? В ближайшие даже не годы, а десятилетия, книжный рынок, да и антикварный вообще, станет здесь уделом немногих коллекционеров. Внушительный пласт людей, которые в принципе могут что-то покупать и продавать, исчезнет на долгие годы.

Соответственно, в Европе и США сильно просядут цены на старинные и редкие книги, антиквариат, драгоценности и прочие предметы роскоши. Потом поток эмигрантов из Российской Империи станет шире, а господа-товарищи развернут торговлю предметами искусства, антиквариата и другими ценностями, и что характерно, за... хм, бесценно.

Другая часть моих средств вложена в антиквариат. Ну, как вложена... На Сухаревке я бываю часто, да и не только там. Порой натываюсь на интересные образчики старины, которые можно приобрести замечательно задёшево. Бывает, что и ошибаюсь... а ещё чаще мешает сознание человека двадцать первого века, и покупаю я вещицы, которые станут ценными лет этак через семьдесят.

Больших капиталов я на этом не нажил и вряд ли наживу,

да и все мало-мальски ценные вещицы я стараюсь переправлять в Данию к матери. Но там далеко не всё просто...

А ещё нужен обменный фонд, которым я пытаюсь жонглировать в свою пользу. Не всегда финансовую. Иногда обычные запонки, красная цена которым не больше червонца, могут оказаться решающим аргументом для коллекционера, сподвигнув его на что-то, нужное мне.

Отдельно – вещи вовсе нематериальные, как например, обещание Макса Волошина³, проживающего ныне в Крыму, «всеисепременно» побывать на свадьбе моей сестры, наметенной на июль семнадцатого в Севастополе. Ресурс? Безусловно!

– ... а если так? – быстро выписываю на тетрадном листке имена людей, бывающих у Волошина на его Коктебельской даче: Брюсов, Белый, Мандельштам... и начинаю припоминать их сильные и слабые стороны, привычки и особенности характера.

Большинство из них я знаю как минимум заочно, состоя в переписке. Я по-прежнему не вхожу в число людей искусства, по крайней мере в его настоящем, а не в богемно-интеллектуальном смысле.

---

³ Волошин **Максимилиан Александрович** (16 (28) мая 1877 – 11 августа 1932) – поэт-символист, художественный критик, переводчик, искусствовед, художник-акварелист. Его предками по отцовской линии были запорожские казаки, а по материнской – обрусевшие немцы. Родился в Киеве. Сын коллежского советника Александра Максимовича Кириенко-Волошина и Елены Оттобальдовны Глезер.

С кем-то я пересекался как букинист и антиквар (последнее скорее как посредник и иногда эксперт), с кем-то как переводчик, ценимый за способность перевести текст не просто максимально точно, но и учётом особенностей региона, в котором родился, вырос или долго жил автор. Это далеко не так просто, а ведь порой перевод напрочь меняет смысл исторического трактата или поэтического образа.

С другими я знаком как домашний учитель их друзей или как член Гимнастического общества. А с некоторыми, как например, с ныне покойным Барсовым⁴, и вовсе познакомился на Сухаревке.

– Так... – ставлю галочку напротив Белого⁵. Его, увлекающегося оккультизмом ещё с гимназических времён, зацепить не сложно! По крайней мере мне, человеку, отец которого в той ещё жизни предпочитал всем телеканалам «Звезду» и «РенТВ».

Мистической дряни разного рода на Сухаревке валом! А я, вскормленный РенТВ и воспитанный Интернетом, благодаря курсу по искусству Университета Барселоны, смогу не только отличить одну дрянью от другой, но и придумать ей интересную и правдоподобную историю!

Стыдно ли мне? Да ни капли... Я точно знаю, что Белый

---

⁴ **Елпидифóр Васи́льевич Ба́рсов** – русский историк литературы, этнограф, фольклорист, собиратель и исследователь древнерусской письменности, археограф.

⁵ **Андрей Белый** – русский писатель, поэт, математик, критик, мемуарист, стилист; один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма в целом.

собирался провести лето в Крыму, а от Коктебеля до Севастополя всего-то сто сорок два километра по прямой.

Откровенную ерунду я покупать не буду, а вещь «с историей» ценилась всегда. Собственно, порой история вещи более важна, чем её качество! А выдуманная ли она... какая, собственно, разница?!

– Куплю, сочиню что-нибудь интересное и отправлю в подарок, – решил я, – а потом, как бы между делом, и на свадьбу Любы можно пригласить... Да, решено!

Решив отчасти проблему приглашённых гостей с нашей стороны, несколько расслабился. Проблема эта, на самом деле, стояла более чем остро! Кто у нас со стороны невесты? Папенька... а это не лучшая реклама, знаете ли!

А вот если будет не только Юрий Сергеевич и пара-тройка гимназических подруг Любы, но и Волошин, Белый, да два-три профессора, отдыхающих на этот момент в Крыму и попавшихся мне на карандаш, то сторона невесты будет выглядеть вполне пристойно.

Расслабившись, я замурлыкал одну из моих любимых песен.

– Гей, десь там, де чорні води⁶,
Сів на коня козак молодий.
Плаче молода дівчина,

---

⁶ Не считите за политоту, я и правда очень люблю эту песню, и слушал её в разных вариантах ещё несколько лет назад. <https://www.youtube.com/watch?v=84Jsnpq2wZM>

Їде козак з України.

А в голове между тем уже вылезли другие проблемы, и первойшая из них – чёртов ресторан! Папенька, который по идее и должен оплачивать всё веселье, как-то хитро вывернул эту ситуацию... В общем, веселиться собирается он с сослуживцами, а расплачиваться предстоит мне.

Всё это, разумеется, под соусом того, как он гордится моей самостоятельностью. Обложил грамотно! Понятно, что опыт по части халявных застолий у дражайшего родителя невероятный, но...

– Вот зараза! – ругнулся я, начерно прикидывая бюджет и приходя в самое дурное расположение духа. Папенька делает уверенные шаги навстречу маразму и альцгеймеру, а вот поди ж ты!

– И денег жалко, и обидно... – встав со стула, я подошёл к окну и некоторое время бездумно глядел на улицу, где в пыли рылись сонные куры.

– Грамотно... – ещё раз повторил я, – вот как хитро вывернул всё! Зараза! Выходит так, что если я отказываюсь оплачивать застолье, то тем самым я как бы отказываюсь от эмансипации. Пусть частично, пусть ненадолго... но крови мне это выпьет немало!

– А если соглашаюсь... – я потёр подбородок, на котором юношеского пушка нет и в проекте, – то тем самым даю слабину, но уже с перекосом в другую сторону. Тогда Юрий

Сергеевич пиявкой присосётся к моему кошельку. Попытается, по меньшей мере. Н-да... дилемма!

Настроение испортилось, и по всему выходит, что в принципе вывернуться из дурной ситуации, в которую меня загнал дражайший родитель, я в общем-то смогу... Вот только нервов он мне при этом наматает, на хорошую канатную фабрику хватит!

– А ещё одноклассников, – бормочу расстроено, – хотя... стоп!

Начала осторожно наклёвываться мысль о том, что все эти мероприятия можно и совместить! А поскольку мои сверстники и так называемые друзья детства почти сплошь гимназисты, то в рестораны им путь заказан! Что остаётся? Пикник...

Не та пролетарская ерунда на траве, с варёными яйцами, кваском и огурчиками⁷, а вполне серьёзное мероприятие, но...

– ... это обойдётся мне намного дешевле.

– Гей, гей, гей, соколи, – снова начал напевать я, воодушевлённо листая записную книжку. Знакомых с дачами, в том числе и собственными, у меня полно, и многие из них не раз и не два приглашали меня «Без всякого стеснения, и непременно с друзьями и родными!» В устах человека искусства такие слова значат не слишком много... но всё же.

---

⁷ Да, ГГ несколько зажрался и стал больше соответствовать эпохе и происхождению. Бытие определяет сознание!

Другие приглашали не столь охотно, но могут «одолжить» пустующую дачу в обмен на чтобы то ни было. Придётся ходить, посылать с «мальчиками» письма и всячески потрудиться, но проблема решаема!

... и кажется, есть возможность обойтись «малой кровью», то бишь обменять на дачу и услуги кухарки букинистику и антиквариат, который в свете приближающихся событий становится в моих глазах всё менее ценным.

– Оминайте гори, ліси, доли
Дзвінь, дзвінь, дзвінь, дзвіночку
Мій степовий дзвінь, дзвінь, дзвінь
Плаче, плаче, дівчинонька
Люба моя ластівонька
А я у чужому краю
Серце спокою немає...

Досидевшись за бумагами до затёкшей шеи и начавшейся было головной боли, опомнился уже к обеду. Да и то, если бы не заботливая Глафира, приоткрывшая дверь кухни и начавшая полотенцем гнать аппетитные запахи (а я несколько раз заставлял её за этим занятием!) в «чистую» часть квартиры, залипнуть за работой я мог бы и до сумерек.

– Юрия Сергеевича не будет, – распевно поведала мне служанка, ставя на стол супницу с одуряюще пахнущей ботвиньей, – с вечера ещё предупредил, что не придёт на обед.

– И то радость... – если слышно пробормотал я, усажива-

ясь за стол, накрытый на меня одного. Глафира, сделав на эту мою ремарку «правильное» лицо воспитанной служанки, принялась подавать еду, выкладывая попутно всякие забавные новости и слухи, принесённые с рынка.

Это у нас что-то вроде негласного уговора. Если папеньки дома нет, новостями делится Глафира, создавая звуковой фон и заменяя отсутствующее пока радио и телевизор. Ну а если дома дражайший родитель, звуковой фон создаёт он, с упоением пересказывая в тысячный раз байки о временах своей лихой молодости, с каждым годом становящиеся всё завиральней и нескладней.

Потянув носом, под пчелиное гуденье Глафиры принимаюсь за еду. Девочек сегодня тоже нет, и если честно, меня это не слишком огорчает!

Я не то чтобы не хочу их видеть, вот уж нет! Отношения наши далеки от идиллических, но новые правила игры сёстры поняли и приняли. Ровные у нас отношение, и меня это вполне устраивает. Я рад их видеть и общаюсь не без удовольствия, но...

... иногда хочется просто тишины и пустоты. Чертовски надоело совместное проживание с людьми, которых ты не сам выбирал в соседи! Будь они даже хоть сто раз родственниками...

Люба сейчас даёт частные уроки и склоняется к тому, чтобы принять приглашение родителей одной из учениц и уехать вместе с ними на дачу до конца месяца. Но как бы то

ни было, она пропадает с утра и почти до вечера, занимаясь с детьми не только как учительница, но и выступая в роли бонны. Сколько ей за это платят, я решительно не в курсе, но подозреваю, что немало.

Ну и вроде как (я стараюсь не вникать) одновременно идёт подготовка к свадьбе. Здесь вообще всё сложно, подготовка идёт одновременно в Москве и Севастополе.

Я честно пытался понять и даже пережил стадию «А вот здесь кружева пустим...». Сломался на экзистенциальных рассуждениях сестры о важности места свадьбы в семейной жизни, роли правильно подобранной шляпки для пола будущего ребёнка и необходимости найти строго определённый сорт бумаги для изготовления пригласительных открыток. Отсутствие нужной бумаги, как я понял, ставило крест на счастливой супружеской жизни, обрекая сестру на позор, страдания и кармические муки в грядущих перерождениях.

Пугала даже не сама экзистенциальность кружев, шляпки и места и свадьбы, но и построение разговоров, в которых Люба перескакивал с тему на тему с грацией горной серны, а я решительно не успевал за изысканными полётами её логики!

В общем... я свёл Любу со своими знакомыми из числа людей искусства, пообещал тем за хлопоты и участие некоторые интересные вещицы из своих запасов, да выделил на всё про всё триста рублей. На этом моё участие в подготовке к свадьбе и закончилось.

Попытки привлечь меня были и в дальнейшем, но я рыкнул, рывкнул и был назван «букой» и «таким же, как и все прочие мужчины». Нина, всецело поддерживающая сестру, во мне «разочаровалась» и «она думала обо мне лучше, чем я того заслуживаю».

Вздохи, выразительные глаза и тому подобные вещи оставили меня непробиваемым... По крайней мере, внешне!

В общем, к апрелю во мне «окончательно разочаровались» и оставили в покое. Непробиваемость далась тяжело, но девочкам от меня нужны были не столько деньги (хотя и не без этого), сколько личное участие во всякой ерунде, которая вот прямо сейчас приходила в их головы. Вся эта бесконечная суета, обсуждение, эмоции...

А то, что это помешало бы мне зарабатывать деньги, так это «ерунда» и «мещанство»! Так и живём...

После еды и я долго и вдумчиво пил чай с травами, заливая в себя одну чашку за другой, и пытался сосредоточиться на работе, но нет! Ни настроения нет, ни пожалуй, возможности.

Опять начала стучаться в виски мигрень, и я решил за лучшее не провоцировать. Улёгшись на кровати со списками нужных и полезных людей, с полчаса перебирал их, откладывая не без сожаления один за другим.

По летнему времени, большая часть моих контактов отсутствует в Москве. Дачи, поместья, курорты Крыма и Кав-

каза... Есть и оригиналы, предпочитающие боевые действия, но таких не слишком много.

В Лейб-Гвардии Уланском Её Величества полку воюет Гумилёв, и воюет, судя по наградам, лихо. А остальные... всё больше по запасным полкам да в земгусарах⁸ обретаются.

Здрavo, как по мне. Позиция «Солдатушки-ребятушки, нашему царю показали фигу. Умрём все, как один!» всегда была для меня непонятной.

Другое дело, что некоторые из этих богемных... особей агитировали, и продолжают агитировать за войну до победного конца. К таким у меня другое отношение...

Одно – Макс Волошин, который последовательно высказывался против любой войны. Другое – рифмоплёты и агитаторы, кричащие о «Священной» и «Второй Отечественной⁹» из уютных петербургских и московских кабинетов, на собраниях земгусаров в глубоком тылу и прочих стратегически

---

⁸ Летом пятнадцатого года сделано, казалось бы, благое дело – по инициативе «снизу», был создан «Земской Союз помощи больным и раненым воинам». «Явление», тут же распространилось на всю Империю, со скоростью кишечной палочки в дизентерийный год и, тут же – по давней российской традиции, стало обрастать бюрократическими структурами. Вскоре, произошло объединение «Земского Союза» и «Всероссийского Союза городов» – «ЗемГора». Служащих этих структур, носящих похожую на военную форму и холодное оружие при поясе – кортики и, прозвали в народе «земгусарами». Делали они, казалось бы, благое дело, но так нелепо и неумело, что очень быстро погрязли в скандалах и коррупции.

⁹ Отечественной Войной называли Войну 1812 года. Соответственно, ПМВ в газетных передовицах и речах ораторов часто объявлялась Второй Отечественной.

важных для фронта местах.

Я продолжаю с ними здороваться, улыбаться при встрече и вести, буде такая необходимость возникнет, вежливую переписку. Публики такого рода достаточно много, и намеренно усложнять себе жизнь я не собираюсь. Они, как это часто бывает, при власти, авторитете и жизненных благах.

Другое дело, что дела иметь с ними я буду, а вот именно что дружеских отношений, это уже вряд ли! Может, некоторые из них в будущем как-то реабилитируют себя делами, тогда да... Есть, в конце концов, и искренние болваны! Я бы даже сказал, немало...

Листаю машинально, отпустив поводья своих мыслей. Иногда это приводит к интересному результату, а иногда и...

– ... вот оно! – я ещё раз прочитал имя, соотнёс его с имеющей информацией и удовлетворённо улыбнулся. Какоего чёрта я буду тратить время на нудные размышления, где и как я могу найти дачу, если есть люди, для которых информация, это профессия?!

– Гей, гей, гей, соколи, – замурлыкал я, вставая с кровати и быстро одеваясь, – так, а где мои ботинки для фехтования? А...

Искомое быстро нашлось, и я продолжил собираться.

– Оминайте гори, ліси, доли,
Дзвін, дзвін, дзвін, дзвіночку,
Степовий жайвороночку...

– Уходите, Алексей Юрьевич? – поинтересовалась Глафира, выглянувшая из кухни.

– Да, – вбиваю ноги в полуботинки и подхватываю саквояж со спортивной одеждой, – в Гимнастическое Общество дойду по делам, ну и так... разомнусь заодно.

– К ужину ждать? – поинтересовалась служанка.

– К ужину... – задумываюсь я, а потом вспоминаю привычки Владимира Алексеевича и решительно мотаю головой, – не стоит!

– ...Жаль, жаль за милою,
За рідною стороною.
Жаль, жаль серце плаче,
Більше її не побачу.

Трамвай, как назло, полз медленно, раскачиваясь и норовя рассыпаться на части, отчаянно трезвоня извозчикам и пешеходам, не торопящимся убраться с пути. Всё поездку я бездумно пялился в окно, так и этак поворачивая предстоящую беседу в зависимости от того, кого именно я встречу в здании Общества. Но наконец, трамвай остановился на Садово-Кудринской, неподалёку от здания реального училища, где и снимает помещение Гимнастическое Общество «Сокол».

Переодеваясь в пахнущей казармой маленькой раздевалке, здороваюсь с завсегдатаями, многие из которых на слуху у обывателей и столетие спустя. А пока...

... переговариваются напротив меня братья Старостины¹⁰, со старшим из которых я приятельствую, а остальным покровительствую. Н-да... странно немножко, и от таких флешбеков меня иногда коротит, и кажется, что мир вокруг виртуальный и совершенно, вот ни капельки не настоящий...

Но потом проходит, и я уже привычно веду переписку с Цветаевой, напоминаю Мандельштаму о долге, и даю уроки бокса старшему из братьев Старостиных, который пока просто Колька, и не скоро ещё станет Николаем Петровичем.

Странно понимать, что эти вполне будничные деяния автоматически сделают меня персонажем из учебников истории. Из тех, кому посвящено один-два абзаца в развёрнутом исследовании о по-настоящему известном человеке.

– Давно тебя не было, – подсел Коля, пожимая руку.

– Далеко, – пожимаю плечами и наклоняюсь завязать обувь, – пока от Милютинского переулка до Садовой доберёшься, уже всякое желание к спорту пропадёт.

Хмыканье в ответ, но в этот раз хоть спорить не стал. Я склоняюсь к идее, что если дорога до спортзала занимает в общей сложности сорок минут и больше, то лучше искать местечко для занятий поближе! Ну или просто дома заниматься, что я собственно и делаю.

А Коля из тех, о ком говорят «Бешеной собаке семь вёрст

---

¹⁰ Братья Старостины: **Николай, Александр, Андрей и Петр** были известными на весь СССР футболистами. Они играли в сборной СССР и в московской команде «Спартак» и неоднократно выигрывали различные турниры.

не крик!» Здоровья и упорства в нём на троих хватит, и по молодости он пока не понимает, что люди разные, и что далеко не все ставят спорт в своей жизни на первое место. Да даже на второе...

– Пришёл позвенеть клинками? – сменил он тему.

– Да, – встаю с лавки и Коля заторопился:

– Пять минуточек буквально! – зачастил он, – Ты мне тогда показывал интересную комбинацию, а я что-то загонялся и замятовал!

– Пять минут! – киваю я, и прямо в раздевалке показываю братьям Старостиным ту самую интересную комбинацию с сальстепом, которую они никак не запомнят.

– Сильная штука бокс, – снисходительно говорит один из борцов, – но главное – вот!

Он назидательно показывает кулак, размером побольше головы младенца, и я вежливо соглашаюсь:

– Иногда масса и правда решает!

Зачем спорить? Иногда, особенно в тесноте раздевалки или в спортивном поединке в трико, может зарешать и масса, а так... На открытом пространстве он до меня просто не дотянется, а я, не полагаясь на силу удара, всегда ношу каскет в кармане...

... и убежать, если что, не постесняюсь!

Он довольно сопит и рассказывает что-то нравоучительное, пытаясь перетащить меня в свою силовую «секту», но я ускользаю из нехитрой ловушки объёмистых мышц, тесто-

стерона и косноязычия, оставив на его растерзание Старостинных.

– Ба! – издали заорало потное косматое чудовище, повернувшись ко мне своим багровым ликом и перехватывая меч, – Стоик! Давно тебя не было в наших пенатах! Ну, рассказывай...

– Да некогда, дядя Гиляй, – повинился я, невольно улыбаясь и стараясь выдержать чрезмерное рукопожатие силача, – ты и сам знаешь, не близко живу. Один, иногда два раза в неделю захожу, больше просто некогда.

Владимир Алексеевич, журуя меня вполне по-приятельски, без внимания на возраст, вывалил кучу интересных новостей, слухов, сплетен и фактов.

– Клинками позвенеть пришёл? – поинтересовался он наконец, обратив внимание на моё обмундирование, – Ну и славно! В кои-то веки!

Гиляровский весьма недурственно владеет клинком, а уж с поправкой на возраст и подавно! Собственно, из-за него-то я стал посещать фехтовальный зал. Не отрицая пользы фехтования как такового, я всё ж таки не вижу в нём занятия, которое мог бы сделать своим хобби.

Заглянул... оценил контингент занимающихся фехтованием, да и стал захаживать. Связи! Народ здесь не самый титулованный, но что называется – вхожи.

Ну и второй момент: в преддверии Апокалипсиса, хотя бы базовые принципы фехтования лишними не станут! «Белое»

оружие пока более чем в ходу, да и умение вытянуть противника дрыном по спине в крестьянской и пролетарской культуре более чем развито.

Разминаюсь я как всегда тщательно, верный правилу «Лучше разминка без тренировки, чем тренировка без разминки». Дядя Гиляй, отрабатывающий клинком фехтовальные элементы неподалёку, только ухает довольно, глядя на мои мостики, шпагаты и хождение на руках. Он в юности и сам был не чужд акробатике, отчего полагает себя в ней экспертом, и мои экзерсизы навевают на Владимира Алексеевича ностальгические воспоминания о молодости.

Вдоволь с ним позвенели клинками, и я, несмотря на всю свою реакцию, был многожды «убит», ибо опыт рулит! Потом уже, в душевой, поделился с ним дачной проблемой.

– Ерунда! – фыркнул он моржом, поворачиваясь под струями ледяного душа, – Решим! Только вот...

Он повернулся ко мне и приоткрыл один глаз, спокойно выдерживая бешеный напор ледяной воды, льющийся на голову.

– ... у нас в твоей весовой категории боксёра не хватает. Ты как? Сможешь выступить?

Глава 2

Гордиев узел, Скомканное время, Второе Пришествие Фроси и прочие неприятности

Развязав шнуровку перчаток зубами, стаскиваю их, не дожидаясь заболтавшегося с приятелем вальяжного помощника, и начинаю разматывать пропотевшие бинты, сразу же скатывая их рулончиком. Ноги гудят и подрагивают, очень хочется присесть на лавочку, расслабиться минут на двадцать, погрузившись в неторопливый разговор ни о чём, промокшая полотенцем потное лицо.

Но вместо этого я делаю несколько глотков кисленького морса из лёгкой жестяной фляги, а затем убираю в сумку перчатки и бинты. Ещё несколько глотков и завинтив пробку, убираю наконец флягу.

Помощник, опомнившись, шагнул было ко мне, делая виноватое лицо, но я рассеянно машу ему рукой, и он вернулся к прерванному разговору, постоянно поглядывая в мою сторону. Даже не хочу знать, это у него от несобранности и расхлябанности, или имеют место быть интриги внутри клуба. В равной степени могут играть оба этих фактора, а может быть, причина ещё и в том, что я банально быстрее живу.

Небольшая, минут на пятнадцать, заминка, во время которой я неторопливо тянусь, сажусь на шпагаты и встаю на мостик под сипловатые нотации одного из низкоранговых гиревиков, невесть зачем забредшего в боксёрский зал. Здесь полно таких, которые приходят не только даже не столько ради спорта, сколько ради общения и желания состоять в некоем «мужском» клубе.

Немолодому уже мужчине невесть почему хочется пообщаться, показать свою значимость, поделившись с бестолковым мной безусловно ценным спортивным и жизненным опытом, и вообще, как-то зацепиться репъём за интересного человека. Рослый, с несколько разлохматившимися светлыми волосами, он достаточно заметно пахнет едким нашатырным потом, сам же смеётся над собственными шутками и в принципе не способен вести нормальный диалог, забивая собеседника потоком спама, хихиканья и обильной жестуляции.

Игнорю его, даже не пытаюсь кивать и угукать. Бессмысленный душнила, позудев над ухом несколько бесконечно долгих минут, уходит прочь, явно на меня обидевшись. Да и чёрт с ним!

Терять время просто ради того, чтобы прослыть вежливым (а заодно и мямлей!) у неинтересного человека, это попросту глупо. Ладно ещё, была бы хоть какая-то польза...

В маленькую раздевалку за мной увязался Денисов, тре-

нирующий команду по боксу московских «Соколов» в перерыве между общественной и адвокатской деятельностью. Он числится моим «как бы» тренером, но я, кивая согласно на его зудёж, делаю всё по-своему.

– ... не менее трёх золотых медалей наши будут! – полыхает энтузиазмом тренер-любитель, особенно напирая на неприменный разгром боксёров, состоящих при Сокольническом обществе любителей лыжного спорта, что для него стало идеей фикс.

Он сам начинал в Сокольниках, но не сумел найти общий язык с властным и авторитарным Харлампиевым, от которого ушёл с хлопаньем дверей и газетной шумихой, то бишь несколькими заметками на последних страницах.

Харлампиев в четырнадцатом ушёл на фронт, а сейчас находится в немецком плену, но нелепое противостояние осталось. Уязвлённый Денисов всё тщится доказать превосходство «интеллектуальной» школы бокса над «кровавой бойней», как он называет школу Харлампиева, базирующуюся на приёмах профессионального бокса.

Здравые идеи у Денисова есть, но он скорее теоретик бокса, нежели хороший боксёр и тренер. Ну да на безрыбье...

Не уверен, что в Российской Империи есть хотя бы пара тысяч человек, знакомых с боксом не понаслышке, при том большая часть из них это «русские иностранцы», некогда бравшие уроки бокса, а ныне работающие в Империи на различных должностях, обычно очень далёких от мира спор-

та. Это обычные инженеры, врачи, представители торговых фирм и прочий люд, в большинстве своём давно уже повесивший перчатки на гвоздь. Из физической активности у них остались только активные пешие прогулки, да может быть, игра в бадминтон на даче.

В настоящее время занимается боксом от силы человек пятьсот на всю Российскую Империю, да и то вряд ли. В Москве, к примеру, боксом можно заниматься при Сокольническом Обществе Любителей Лыжного Спорта, при «Арене Физического Развития», да в Русском Гимнастическом Обществе. А больше, собственно, и негде...

Боксёров на всю Москву человек семьдесят, не считая вообще уж новичков. А уж уровень...

Не могу оценить отсутствующего Харлампиева, но у прочих техника бокса не выше второго разряда, притом с многочисленными «колхозными» лакунами. При этом в Российской Империи московские боксёры считаются «сильными», «техничными» и «уступающими лишь петербургским».

Бокс во всём мире сейчас делает первые шажки к взрослению, нетвёрдо стоя на младенческих ногах. Видел я парочку «демонстрационных» боёв заезжих чемпионов, и честно говоря, впечатлиться не удалось. Пытался отыскать какие-то «забытые секреты старых мастеров», но то ли мастера не такие уж мастера, толи и нет никаких секретов, что вернее.

Будь у меня челюсть потвёрже, здоровье покрепче, да удар посильней, и я всерьёз бы задумался о карьере профессио-

нального бойца, хотя и отношусь к единоборствам далеко не восторженно. Это были бы не то чтобы «лёгкие», но почти что «верные», и пожалуй, немалые деньги! С поправкой на неизбежные случайности, околоспортивную мафию и прочие немаловажные нюансы.

Без шуток! Навыки рукопашника из прошлой жизни, это конечно же не бокс, но опыт ударного (в основном) единоборства у меня серьёзный. Я умею рассчитывать дистанцию и тайминг, «читать» противника, и знаю кучу вещей, о которых в этом времени имеют самое смутное представление.

С техникой бокса у меня похуже, но я, хотя и без особого энтузиазма, с сезонными перерывами, занимался два года у высококлассного тренера. Знаю не понаслышке, что такое «смена стойки Каса Д,Амато», «циркуль Ломаченко» и ещё добрых два десятка приёмов, о которых боксёры начала двадцатого века даже не подозревают. А это ведь профессионалы!

Не самые лучшие, не самые удачливые и не самые техничные, но всё ж таки состоявшиеся чемпионы, зарабатывающие боями на жизнь, и зарабатывающие очень неплохо.

Заранее считать себя победителем чемпионата Москвы не могу только по той причине, что не особо заинтересован в чемпионских регалиях. Не любой ценой, и уж точно – не ценой собственного здоровья!

Несмотря на примитивную технику, характер у местных боксёров есть, они не боятся идти на размен и в большинстве

своём те ещё «неваляшки», которых не так-то просто уронить. А я, к примеру, не могу похвастаться нокаутирующим ударом, несмотря на всю скорость и относительную техничность.

Да и неинтересно лезть в «рубку», обмениваясь ударами и получая в морду за жестяной значок и кубок, интересный только коллекционерам лет через сто. Но стать в своей весовой категории одним из призёров кажется мне не слишком сложной задачей.

Вытирая голову после душа и раздумывая над стратегией предстоящих боёв, слушаю разглагольствовавшего Денисова, воспринимая его слова как информационный шум, ухватывая разве что по верхам самую суть. Из вежливости.

Человек он не то чтобы вовсе пустой, но какой-то... во всём любитель. Юридическое отделение университета за плечами, но список выигранных дел более чем скромный. Общественник и даже чуточку (самую малость!) политик, но опять-таки никаких значимых достижений, не считая бумажного шелеста на последних страницах газет. Ну и тренер...

Зато родовит и достаточно богат, владеет имением под Рязанью, парочкой доходных домов в Москве и капиталцем в Русско-Волжском банке. По сути, обычный рантье с неплохими связями в силу рождения. Только за каким-то чёртом всё пыжится, пытаюсь как-то проявить себя, не имея притом

ни ума, ни достаточной упёртости, ни таланта к чему бы то ни было. Так... функционер с необоснованным и амбициями.

– ... на сближение с Никифоровым, и по корпусу, по корпусу! – азартно рассказывает тренер своё виденье боя, сопровождая свои слова дёргаными движениями рук.

«– Стричься пора», – провожу рукой по неровному ёжику волос, ещё чуть влажному после душа. Машинально киваю размахивающему руками Денисову и одеваюсь, прикидывая на своём маршруте приличную парикмахерскую.

– До вечера, – киваю ему и выхожу из душевой раздевалки, не обращая внимания на попытки говорить что-то вслед. Обидится он или нет... не то чтобы вовсе неважно, но говорить наш тренер может долго, вкусно и интересно, пока не охрипнет. Залипнуть с ним можно на час, а то и больше, а меня на счету каждая минута!

– Тпр-ру-у, радимая! – лихо командует пахнущий потом, водкой и луком извозчик, натягивая вожжи, и его каурая кобылка, всхрапнув, остановилась, вздёрнув голову и переступая подкованными ногами по булыжчатой мостовой, и приподняв хвост, добавила местному дворнику работы. Я, соскочив с пролетки, роюсь в горсти медной мелочи, которой набралось неожиданно много.

Бывает так, что не было, не было... а потом бац! Полный карман засаленных копеечек. Гадаешь потом, откуда всё

это...

– Доплатить бы, барин! – привычно ноет извозчик, пытаясь перекривить мордастую, угреватую физиономию в жалостливой гримасе, долженствующей, очевидно, обозначать сиротство щекастого крепыша, – Овёс-то нынче тово, не купишь! Сам не доешь, а кобылку-то кормить надо! Ей, родимой, и не втолкуешь, что война ночне, и что зубы на полку всем покласть надоть.

Сбившись, выдыхаю сквозь зубы и ссыпаю мелочь в подставленную ладонь без счёта, переплатив как бы не вдвое. Да больше!

– Благодарствуем, Вась Сиясь... – осклабился сиротинушка и тут же тронул вожжами лошадку, пока дурной барин, то бишь я, не передумал.

– Чёрт бы всё... – выдавливаю сквозь зубы, мысленно поминая разом неторопливого парикмахера, встретившуюся аварию и наглого полковника с белесыми рыбьими глазами убийцы и наркомана, уведшего у меня остановленного было лихача. Спорить... пусть меня трусом считают, но лучше будет нить уязвлённое самолюбие, нежели пулевое ранение.

Господа офицеры и в мирное время не особо стесняли себя в поведении с гражданскими, и могли, к примеру, пристрелить в споре оппонента «за неуважение». Суды, что характерно, оправдывали их... и оправдывают. А если надо, вмешивается Его Императорское Величество, и убийца в погонах получает наказание в лучшем случае символическое.

А сейчас, после трёх лет никому не нужной войны, с сотнями тысяч убитых, окопами, вшами и озверением, убивают легко. Слишком легко...

Не ценится ни своя жизнь, ни тем более чужие. Да и вопросы морали чем дальше, тем больше становятся пережитком прошлого, как динозавры.

С ужасом жду времени, когда бесчисленная масса людей, привыкших убивать и умирать, вернётся домой со всеми приобретёнными фронтовыми привычками, фобиями и кошмарами. В начинающуюся Гражданскую, в рассыпающуюся страну, униженные, озлобленные и ничего не понимающие...

Вытаскивая на ходу часы, отщёлкиваю крышку и досадливо морщусь... опаздываю!

Почти бегу, но не забываю глядеть по сторонам, и завидев смутно знакомую женскую физиономию, сдёргиваю шляпу, не сбавляя шага.

– Сударыня! Моё почтение!

Сударыня явно была настроена пообщаться, но я страдальческой физиономией (не хуже, чем у давешнего извозчика!) показал как мог, что рад бы, и счёл бы за счастье... но так спешу, так спешу! В это раз даже не вру. Думаю, даже страдальческая физиономия вышла удачной, с таким-то похоронным настроением...

– Добрый день, Иван Ильич, – входя в сумрачную прохла-

ду читальни, вполголоса здороваюсь с библиотекарем, пытаюсь выбросить из головы грядущие проблемы огромной страны и сосредоточиться на проблемах собственных, на здесь и сейчас.

– День добрый, Алексей Юрьевич, – благосклонно кивает мне он, подняв глаза от книги.

– Простите, – винюсь я за невозможность поговорить по нашему обыкновению, – времени совсем нет, и так опоздал...

– Бывает, – лёгкая усмешка в седых усах, слегка желтоватых от табака и времени. Да и я сам уже вижу... вон, за дальним столиком!

– Прошу прощения, Мария, – винюсь перед девушкой, усаживаясь напротив без лишних расшаркиваний. Оправдываться, рассказывая все сегодняшние перипетии, не стал. Глупо!

Благо, она эмансипе в самом правильном, здоровом смысле этого слова. Не подростковый бунт и трагический надрыв никем не понятого человека, не истерика суффражисток и не (упаси Боже!) готовность идти в тюрьму за своё право курить на улице, ходить в штанах и материться в голос.

Умение жить так, как тебе хочется, игнорируя общепринятые штакетины в заборчике Морали, и не проживая при этом каждый день, как на баррикадах. Как по мне, это дорого стоит. Я, к примеру, и вовсе не умею.

С Марией у нас общие дела, вполне взаимовыгодные и да-

же (о чудо!) без капли романтики. Я – не вполне состоявшийся лингвист, специализирующийся на романо-германских языках, она – вполне состоявшийся филолог-славист. Вдвоём мы перекрываем куда как больше букинистических направлений, и сотрудничество выходит вполне взаимовыгодным.

– Я разобрала некоторые тексты, – деловито сказала Мачелюх, раскладывая на столе свои заметки, – Смотрите...

Она ткнула кончиком карандаша в нужные места в тетради.

– ... видите? Достаточно характерные особенности, позволяющие привязать текст к семнадцатому веку.

– Хм...

Потихонечку разбираем разнообразные филолого-лингвистические загадки, с экскурсами в историю и теорию искусства. Эх, если бы не Революция...

На минутку накатывает тоска. Очень хочется, чтобы «здесь» и «сейчас» длилось как можно дольше, а все эти накопившиеся противоречия между Народом и Властью решались путём Эволюции, а не Революции.

Увы! Точка невозврата давно пройдена. А всё же...

... как было бы здорово! Без Гражданской и последующей Разрухи, чудовищного голода и эпидемий, террора и постоянного, на протяжении поколений, ожидания счастливой жизни не здесь и сейчас, а в будущем! Которое так и не наступило...

– Хм? – подняла голову Мария, по-видимому, почувствовав моё настроение.

– Не обращайтесь внимания, – спешу её успокоить, – вы же знаете, я склонен к меланхолии.

Кивок... и вот что мне в ней нравится, в душу не лезет. Собеседница она чуткая и тонкая, но не навязчивая.

Приходит на мгновение желание рассказать всё-всё... или по крайней мере, поделиться своими мыслями о надвигающемся Апокалипсисе. Приходит... и проходит, оставив только чувство сожаления, что некому выговориться.

Не поймут просто. Никто не поймёт. Это другое мышление, другие фундаментальные ценности... всё иначе.

Забрав результаты совместных трудов, чтобы на досуге обдумать и додумать под получившийся результат какую-нибудь интересную историю, поспешил домой на обед. В эти дни, как назло, стоит душная, безветренная жара, как это бывает иногда перед грозой.

А грозы всё нет и нет... Зато есть давящая духота и ощущение, что вот-вот загрохочут молнии и с неба ливанёт, как из ведра!

Москва почти пустая. На раскалённых пыльных улицах только дворники, мальчишки и весь тот люд, без которого не обойтись в городе, который почти полностью переехал на дачи.

«– Хм... однако, – озадаченно спохватываюсь я, – Вот это

вжился в эпоху! На дачах и в поместьях от силы два-три процента горожан, которые могут себе это позволить. Ну, пусть пять! А Москва живёт, как жила! Н-да...»

Философствуя на ходу в стиле «бытие определяет сознание», я стараюсь держаться тени, но получается так себе. Каменные стены домов, асфальт и булыжник мостовых за день разогрелись и пышут жаром. На небе, как назло, лишь жалкие пёрышки облаков, которые хотя и изрядно украшают небесную синь, делая её удивительно нарядной, но не дают ни клочочка тени.

До дома я добрался потный и раскалённый, так что решил перед обедом сполоснуться под душем, но...

... дома оказались сёстры. Что называется, без объявления войны! Не могу сказать, что вовсе не рад их видеть, но сейчас их присутствие как никогда некстати.

– ... с утра уезжаем с Ниной, – мимоходом сообщила Люба и погрузилась в увлекательнейший рассказ о подготовке к свадьбе, случайных случайностях, «чудесных» малышах своих новых подруг, мистических образах иконописных образов, необходимости соблюдать приметы и о войне – так, как её видят романтические барышни.

Речь её течёт причудливым ручейком по крутому склону горы, ложиться арабской вязью на моё изнемождённое сознание и слышится голосом певчей птички... А проще говоря, я ни черта не понимаю!

Контузило меня после фразы об «особенных иконах», по-

могающих молодожёнам, смешанной с воспоминаниями о Крыме и её мечтами о детях. Причём я даже не понял – о своих собственных, или о «чудесных бутузах» новых знакомых, которых Люба хочет «затискать» и «оставить себе всех, таких милых малышей».

Наученный опытом, не спешу кивать и соглашаться, а просто молча ем, вскидывая иногда глаза да угукая, показывая тем самым интерес к беседе. Сёстры у меня из тех «девочковых девочек», которым любое значимое событие нужно рассмотреть непременно со всех углов по многу раз, приправив это фейерверком эмоций и прочими вещами, понятными только женщинами и психиатрам.

Я счастлив уже тем, что от меня не нужно ни денег, ни личного присутствия где бы то ни было ещё! Времени у меня сейчас в обрез, так что валясь спать, успеваю с минутку помечтать о маховике времени, теневых клонах и тому подобных вещах, позволяющих сделать сутки несколько длиннее.

Прямо сейчас я начинаю сворачивать ряд букинистических и антикварных проектов, прежде всего из числа долгоиграющих, а это оказалось очень проблематично. Личные обязательства, связи, то да сё... Как обычно и бывает, сделать это оказалось значительно сложнее, чем казалось ранее.

Одновременно с этим распродаю или обмениваю на ликвидные товары и услуги накопленные вещицы, что также очень хлопотно. Нужно принять во внимание десятки факторов, ну и побегать... А ещё писать письма, вести разгово-

воры, ронять многозначительные намёки в нужных местах и совершать ещё целый ряд церемониальных телодвижений, показывая свою компетентность и серьёзность намерений.

Всё, что только возможно, переправляю матери в Данию. Здесь свои сложности, связанные с ценой почтовых услуг, правильной оценкой переправляемых вещей и собственно положением матери в поместье кузины.

Сюда же – подготовка к турниру, тренировки два раза в день, с необходимостью тратить время (и деньги!) на проезд. Я читаю и делаю расчёты в пролётке извозчика и в трамвае, на ходу представляю возможные сценарии разговоров с нужными людьми и трачу на еду от силы полчаса в день.

Это неправильно и так не надо... но пока я молод, натренированный организм покряхтывает, но справляется! Благо, бои всего через неделю, и у меня разом высвободится часа четыре свободного времени.

Да и подозреваю, что призёру (а уж на это я надеюсь твёрдо) чемпионата Москвы по боксу какие-то проблемы станет решать несколько проще. Собственно, это и есть основная причина, почему я принял тогда приглашение Гиляровского.

– ... у нас непременно будут чудесные малыши, – вслух мечтает Люба с одухотворённым выражением лица будущей матери-героини.

Нина как бы и согласна со старшей сестрой, но эти противные мужчины... фу! Всё это так отчётливо написано на её лице, что мне немалых трудов составляет не засмеяться

В ГОЛОС.

– Обещай! – выпалила внезапно старшая сестра, перегнувшись через стол и хватая меня за руку, отчего зелёный горошек вылетел на скатерть, – Непременно пообещай мне!

Растерявшись, вздёргиваю бровь, понимая, что полностью утратил суть разговора.

– Обещай, что всё будет как раньше! – быстро говорит она, отчего брови у меня залезли куда-то на лоб. Через пару минут понимаю отчётливо, что она невесть с чего вздумала идеализировать наше детство, представляя его чем-то сусально-пряничным.

... благо, она сама себя и заговорила, а потом и заспорила... Так что я, отговорившись делами, сбежал из-за стола, и подхватив саквояж, вышел прочь из дома.

Поколебавшись немного, решил всё ж таки не брать извозчика, а считать этот маршбросок за тренировку.

– Лёгкий спарринг проведу вечером, – постановил я, поудобнее перехватывая саквояж, – и хватит! Даже не спарринг, а просто связочки поотрабатываю, в полнакала.

Я постоял, вздохнул и пошёл на очередную встречу с очередным коллекционером. Тот случай, когда важны не деньги, а хорошие отношения с человеком, имеющим выход на научные круги Западной Европы. Не Бог весть что, но при необходимости можно сослаться на знакомство, и глядишь, да и поможет! По крайней мере, буду выглядеть не непонятным Гаврошем из варварской России, а вполне респекта-

бельным молодым человеком, что уже в плюс.

А потом был бокс, где я, забыв собственное же обещание, поотрабатывал не «связочки», а провёл двенадцать раундов спарринга с меняющимися партнёрами. Потому что... потому что потому! Потому что мне шестнадцать, и эмоции частенько берут верх над мозгами!

– ... нет, Алексей Юрьевич, вы подумайте, всерьёз подумайте! – обдавая вкусными алкогольными парами шустовского завода, убеждал меня Сергей Тимофеевич, крепко вцепившись в локоть и никак не желая расставаться.

Я обещался «непременно» подумать, но признаться, карьера профессионального атлета и тренера, навязываемая собеседником, ничуть меня не прельщает! Однако Сергей Тимофеевич хочет от меня обещаний, и настойчив так, как бывают настойчивы нетрезвые люди, притом привыкшие к безоговорочному послушанию подчинённых.

– ... биографический жанр сильно недооценён, – бубнит с другой стороны Иван Иванович, приятно пахнувший мадерой и бужениной, – Вы, голубчик, должны положить все силы...

«– В морду бы тебе, бубниле мудацкому! – со злостью подумал я, – Да с приложением всех сил! Всем-то я должен!»

Но делаю почтительный вид, ухитряясь уважительно внимать как Ивану Ивановичу с прозаической фамилией Иванов – историку, филологу и театральному критику весьма правых взглядов, так и Сергею Трофимовичу, с не менее

прозаической фамилией Морозов, фабриканту и меценату со взглядами сравнительно левыми. А в голове у меня только...

«— ... какого чёрта!» — и больше никаких связных мыслей. Отцы основатели¹¹ Русского Гимнастического Общества, имеющие собственно к спорту отношение весьма отдалённое, за каким-то чёртом решили провести своё детище.

Отмечали, как я понял, очередное пополнение Кустарного музея¹² проведённое не без помощи Ивана Ивановича. Отметим как следует в ресторане, а потом... да собственно, вот они! Рассказывают, кому и сколько я успел задолжать. А я такие разговоры до скрежета зубовного не люблю...

Но молчу и улыбаюсь. Несмотря на всю нелепость ситуации, и всё моё неприятие навязываемых в алкогольных парах «долгов», в ряду коллекционеров любого рода они Фигуры! А мне это ох как надо...

— ... Олимпиада двадцатого года будет нашей! — горячится Сергей Тимофеевич, всё сильнее повисая на мне, — Московской!

«— О-о, как вас по жару развезло-то», — озадачился я, выискивая глазами сопровождавших Морозова слуг. Нашёл, и понятливый крепкий лакей, помедлив секунду, подошёл чуть сбоку и оценил состояние хозяина.

---

¹¹ Полный список отцов-основателей — 53 человека.

¹² **Музей кустарных изделий** (Торгово-промышленный музей кустарных изделий Московского губернского земства) был основан в 1885 году в **Москве**.

Сдав лакеям... или кто они там? В общем, отделившись от «отцов-основателей», я вздохнул свободней и повёл ноющими плечами. Держать их приподнятыми двенадцать раундов и так-то задача не из простых. А после того, как у меня на руках отвиселись ни разу не стройные «отцы», ломит плечи ничуть не шуточно.

После общения с отцами-основателями настроение у меня такое... человеконенавистническое!

– Да уж... – тяну вслух, – полюбили меня сегодня в мозги!

Глянув на сгущающиеся сумерки, морщусь и решаю, что завтра обойдусь без тренировок. Всерьёз опасаясь, что какой-нибудь мордатый сиротинушка, затянувший песню о голодающей лошадке и о том, что овсы нынче дороги, может получить в разъявленное хлебало, да со всей классовой ненавистью, я решил немного пройтись пешком.

– До Тверского бульвара через дворы пройду, а там извозчика возьму, – постановил я и фланирующей походкой направился через дворы, разглядывая образчики каменного зодчества и дворики, украшенные кустами сирени и образцами зодчества уже деревянного, то бишь сарайчиками, сараюшками и деревянными нужниками для прислуги.

– Мерещится, что ли? – как бы невзначай полуобернулся я, окидывая взглядом особо живописный сортир, возле которого скалила зубы недоверчивая кудлатая собачонка, охраняющая стратегический объект, – Да вроде никого.

Но на всякий случай нащупал рукоятку «Браунинга»

в кармане пиджака...

... и не зря. Буквально полминуты спустя за моей спиной послышались звуки запалённого дыхания и шаркающие шаги. Не став играть в Героя, я мигом отпрянул к стене и выхватил пистолет, направив его на подбегающую троицу. Миг...

... и троица, развернувшись на пятачке, начала свой бег в обратном направлении. А я застыл в изумлении...

– Фрося? – спросил я невесть у кого в сгущающихся сумерках, – Да нет, быть не может...

Не став играть в Героя и тем более не занимаясь работой полиции, я ускорил шаг и вскоре подошёл к Тверскому бульвару, почти тут же остановив извозчика.

– Денёк... – сказал я одними губами, откидываясь назад, – Чёрт те что, а не день!

Глава 3

Люди с душком и долги чести

– Доброго здоровьичка, Ляксей Юрьич, – издали ломает картуз с форменной кокардой коренастый дворник, улыбаясь во всю ширь щербатого рта, распуская лохматыми лучиками сивую курчавую бородку, и всячески давая понять, что он человек не пустой и имеет ко мне обстоятельный разговор.

Кивнув, бросаю несколько формальных слов, обязательных при такой беседе. Несколько минут мы переливаем из пустого в порожнее, мешая в одной беседе виды на урожай, сакральность русского знамени над Святой Софией, московские очереди за хлебом и дворникова младшенького, дурня этакого, который никак не возьмётся за ум, сицилист этакий. Без привычки разговоры такого рода выматывают не хуже светской беседы, да собственно, это они и есть, только в понимании московских полунищих и малообразованных мещан.

Здесь есть свои тонкости, прелестями которых я так и не проникся, но научился понимать, хотя и не без огрехов. Привыкнув в двадцать первом веке жить быстро и наспех, я не без труда продираюсь через опоросы коров, надои жены и сложности вспашки озимых зябей в родной деревушке двор-

ника. А уж междометий-то...

Но терпение моё вознаграждается, и так же путано, с эканьями, до меня доносится мысль, что вокруг дома дворник видел «нехороших людей, которые не то чтобы тати совсем уж, но такие, с душком». Конкретикой Пахом поделиться толком не может, это всё на смутных ощущениях заслуженного столичного работникам метлы и лопаты, да на жизненном опыте старого солдата, контуженного в Русско-Японскую при взрыве снаряда и потому списанного подчистую.

Благодарю его и сую в руки полтину, за что меня обзывают «Благородием» и обещаются «со всей душой, значица!» Пахом уже давно забыл, что ещё три года назад называл меня «барчуком сопливыми» и обещал «надрать уши, ежели я, значица, не тово». Сейчас наш дворник свято уверен, что всегда видел во мне «Орла, потому шта по полёту, оно тово! Видно!» и считает благодетелем.

Помимо небольших, но регулярных подношений в денежном эквиваленте, дворник регулярно получает те приятные мелочи, что так ценятся в его среде. Сухаревка иногда подкидывает мне «на сдачу» разных там некондиционных фарфоровых пастушек, красная цена которым в базарный день не больше гривенника, красочные, чуть подранные лубки, фарфоровых слоников с выщерблёнными хоботами и тому подобный хлам. Мне он не нужен ни к чёрту, а Пахом, да и не только он, удовлетворяет своё чувство прекрасного, и «Бдю, значица. Завсегда.»

– Н-да... ситуация, она попахивает, – негромко подытоживаю я, выходя со двора прочь. «Нехорошие люди» не то чтобы верный знак грядущих неприятностей, а вполне привычная часть жизни мелкотравчатого букиниста и антиквара. Очень уж этот бизнес специфический, завязанный на крови, кражах и тех историях, о которых интересно читать, но никак не участвовать.

Хочется того или нет, но мои интересы, так же как и интересы любого человека в такого рода деятельности, так или иначе пересекаются с интересами десятков, если не сотен людей. Да и всякого рода тайн, комплотов¹³, разных обществ и кумовства на Сухаревке хватало всегда. Клубок этот запутанный, все дружат против всех, и на самом деле, тема эта очень интересная, по которой можно соорудить не одну диссертацию.

Другое дело, что за последнее время количество отребья увеличилось кратно, и вот это несколько пугает. Много демобилизованных по ранению солдат, привыкших убивать, озлобленных и отмороженных на всю голову. Хватает и дезертиров, беженцев... А среди последних, к слову, всякого люда полно!

Беженец, это же не всегда несчастное существо, которое требуется обогреть и приютить, за что он будет век Бога молить. Многие из них и раньше-то ангелами не были, а теперь

---

¹³ КОМПЛОТ, *комплота*, муж. (франц. *complot*) (книжн.). Преступный заговор, союз против кого-нибудь. Они составили *комплот*, чтобы погубить его.

лишились всего и готовы буквально рвать зубами горло, пытаясь вернуть хотя бы часть привычной жизни. Особенно если у человека семья... или после некоторых событий сдвинутая набекрень психика.

А уж сколько уголовников под видом беженцев! Словами не передать. Много молодых совсем ребят, которые за голодные и лихие военные годы привыкли хотя бы по мелочи нарушать закон просто потому, что жрать хочется каждый день.

Отдельно – выселяемые из прифронтовой зоны (что трактуется порой очень широко) поляки, этнические немцы и евреи. Обычно их депортируют во внутренние районы Российской Империи, стараясь побольше народа загнать за Уральский Хребет. Но случается всякое, да и сами «жиды, полячишки и немчура» не так уж часто спешат слиться в братском экстазе с войсками кайзера.

Бесчинств, творимых войсками, хватает с каждой стороны... Те, у кого есть такие возможности, покидают подступающую прифронтовую зону заранее, получая в таком случае некую фору и не то чтобы привилегии, но скажем так – шансы.

Правда, тем же евреям, вынужденно покидающим черту былой осёдлости¹⁴, власти стараются давать не паспорта, а

---

¹⁴ Фактически черта оседлости прекратила существование 19 августа 1915 года, когда управляющий Министерством внутренних дел разрешил в виду чрезвычайных обстоятельств военного времени проживание евреев в городских поселениях вне черты оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся

некие «документы» разной степени востребованности. А это не добавляет ни лояльности к властям, ни человеколюбия вообще. «Документы» такого рода гарантируют разве только то, что тебя не повесят вот так сразу, без судебных разбирательств.

А уж тема заложников¹⁵ и вовсе из ряда вон! Жидоедство¹⁶ какое-то, право слово...

в ведении министров императорского двора и военного (то есть, дворцовых пригородов Санкт-Петербурга и всей прифронтовой полосы). Отмена черты оседлости не представляла собой смягчение политики по отношению к евреям; наоборот, значительная часть черты оседлости попала в прифронтовую зону, и правительство считало, что евреи, рассматриваемые им как неблагонадежный элемент, будут представлять меньшую опасность в других местностях.

¹⁵ В самом начале войны русская общественность ужасалась бесчинствам, чинимым германскими войсками в Царстве Польском, когда, например, в Калише была расстреляна еврейская девушка Зейм, отвергнувшая гнусное предложение немецкого офицера. Однако уже в ноябре 1914 г. в качестве необходимой меры рассматривался Приказ войскам укреплённого района, крепость Новогеоргиевск, от 27 ноября 1914 года, гласивший: «... При занятии населенных пунктов брать от еврейского населения заложников, предупреждая, что в случае изменнической деятельности какого-либо из местных жителей заложники будут казнены». И это с учетом, что евреи составляли более половины населения самого Новогеоргиевска и его окрестностей, а входивший в крепостной район Новый Двор и вовсе был населён практически исключительно ими.

¹⁶ Для тех, кого коробит от темы еврейства, избыточной по их мнению, поясняю – евреи более чем заметно отметились в революционном движении, и пропустить эту тему я считаю неправильным. Ни пропустить, ни «упростить». Нужно понимать, ПОЧЕМУ евреи (вообще-то не очень революционно настроенные) настолько массово поднялись против царской власти. Именно поэтому... не только, но в том числе. И нет, я не пытаюсь обелить еврейских откупщиков, криминалитет и прочую грязь. Было и такое, да ещё как было!

У польских, немецких и русских беженцев проблем немногим меньше. Власти оказались решительно не готовы к такому развитию событий... Впрочем, ничего нового¹⁷.

А в случае с российскими беженцами, казалось бы, своими и полностью лояльными властям, дело осложняется тотальной безграмотностью, полным незнанием своих прав, и разумеется – коррупцией. Воруют чиновники, не боясь ни Закона, ни Бога. Да плюс ещё народ озлобился от долгой войны, нищеты и наплыва беженцев, так даже сочувствия к несчастным чем дальше, тем меньше.

В Петроград и Москву, равно как и в другие крупные города, беженцев и переселенцев стараются не пускать, но народ рвётся и прорывается. Вполне логично, как по мне...

Выбросив из головы умствования, я заспешил к Сухаревке, на ходу здороваясь с многочисленными знакомцами. Ох, недаром говорят, что Москва, это большая деревня... Не знаю, как там в двадцать первом веке, а сейчас древняя столица полностью соответствует этому званию!

– Доброе утро, Лев Ильич! – со всем возможным почтением здороваюсь с похожим на моржа стариканом.

– Доброе, доброе, – бурчит пожилой одышливый чинов-

---

¹⁷ «Русские и еврейские беженцы, как саранча двигаются на восток, неся с собою панику, горе, нищету и болезни» – эмоционально, но, по сути, достоверно вспоминал начальник императорской дворцовой охраны генерал-майор Отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович; поток голодающих беженцев, серьёзно осложнил уже наметившийся продовольственный кризис в Петрограде.

ник, приподнимая фуражку. Вот тоже... кадр. Московский. Хлебосольный хозяин, тонкий ценитель искусства и человек, очень добрый и отзывчивый к тем, кого знает лично...

... и притом – взяточник! Ворует самозабвенно, не помня себя! Но – с умом. Знает, кому и сколько нужно занести, с кем надо выпить рюмочку, с кем крестить детей и над чьей шуткой посмеяться. Ну и когда брать совсем нельзя, тоже понимает. Все всё знают, но... это Россия! Императорская.

Достаточно распространённый тип среди московского чиновничества, к слову. За всю Империю не поручусь, там могут быть свои подвиды, ничуть не менее своеобразные и интересные.

– А, Стоик! – издали приветствует меня Беленький, приподнимая щегольской тонкой тросточкой соломенную шляпу и раскрывая руки, будто призывая обняться.

– Андрей, – приветственно киваю представителю богемы, не подходя, впрочем, слишком близко. Чёрт его знает, с каких доходов он существует... Не люблю злословить, но его видели в компании Кузьмина¹⁸ и иже с ним, а это, как по мне – сигнал! Да и смотрит он иногда так... облизывающе.

Я, к слову, вполне толерантен к меньшинствам, ибо человек вправе распоряжаться собственной жопой, равно как и прочими частями тела и души без цензуры со стороны об-

---

¹⁸ Михаил Алексеевич *Кузьмин* (1875–1936) – выдающийся русский поэт, прозаик, переводчик, композитор. А заодно – один из самых известных открытых гомосексуалистов того времени.

щества и государства, но вот содержание и проституция, это уже несколько иное. А Беленький, вот кажется мне, как минимум на содержании. Он смазлив, андрогинен и несколько, я бы сказал, вызывающе андрогинен. Подчёркнуто.

В женском платье, подобно Феликсу Юсупову, по городу не передвигается, но сдаётся мне, исключительно потому, что он не Юсупов! Там, где наследнику одной из знатнейших фамилий простят выходку и покивают на эксцентричность, почётному гражданину Беленькому могут впаять статью.

– Как там продвигаются дела у акулы антикварного дела? – интересуется он, и сам же смеётся.

– Акула... скажешь тоже! Так, пескарик в луже, – ворчу я, но в нескольких словах обрисовываю свои нынешние возможности. Сам Беленький никогда и ничего не покупает, но он болтлив, обладает обширными связями и тем полезен.

Пара минут разговора, после которого хочется помыться, и я ускоряю шаги. А вот и Сухаревка...

Привычная, давным-давно знакомая до последнего закоулочка, до последнего подвизающегося здесь нищего. Но в последнее время чем дальше, тем больше она маргинализируется. Ещё пару лет назад убийство было здесь чем-то из ряда вон, хотя кражи являлись делом вполне обыденным. А сейчас не проходит и недели, чтобы кого-нибудь не грохнули!

Уголовники, беженцы, дезертиры... последние лютуют кровь, как воду, и озлоблены до последней крайности. Но

это понятное, и в общем-то знакомое зло, а вот тот факт, что начали маргинализироваться в общем-то безобидные представители городского дна и придонья, сигнал опасный.

– Алексей Юрьич, моё почтение... – вежливо приподнимает шляпу знакомый антиквар, раскладывающий товар на прилавке.

– Никандр Сосипатрович... – зеркалю я.

– Стоик! – а вот это очередной полубогемный представитель Москвы, прибывший с утра пораньше на Сухаревку. Мы знакомы по Гимнастическому клубу, где он скорее числится, нежели тренируется. Но тем не менее, мы представлены, пару раз пересекались в компаниях и считаемся почти приятелями, – Хорошо, что я на тебя наткнулся!

– Вот, гляди, – он ткнул мне под нос потрёпанный фолиант, – я в сомнениях!

– Хм... – не отвечая, я взглядом показал продавцу, что я думаю о нём и о качестве подделки, но сдавать не стал, – А давай оставь пока, а я потом посмотрю? Здесь я сходу вижу несколько моментов, которые нужно уточнить. Устраивает?

– Более чем, – обрадовался он, – Ну, бывай, Стоик!

– Бывай, Апостол! – ответил я, растягивая губы в улыбке. Вот тоже... дурацкая мода, как по мне. Но такие вот «междусобойные» прозвища как бы что-то символизируют и показывают неформальность общения. Дескать, ты не просто какой-нибудь скучный Илья Яковлевич, а Апостол! Человек, состоящий в некоем Братстве и потому не-такой-как-все.

Меня «крестил» дядя Гиляй, по своему обыкновению запутав его происхождение и пустив несколько взаимоисключающих версий. Развлекается человек так... и это ещё безобидно, право слово! Он по натуре не злой, но не всегда понимает, когда перешёл черту, и общаться с ним не всегда приятно. Такой себе... человек-фейерверк, не на каждый день.

– ... доброго, – продолжая отвечать на приветствия, прохожу на «своё» место. Точнее, мест у меня несколько, так уж сложилось исторически. Есть что-то вроде графика, где и в какие дни я бываю. Так проще и торговцам, и мне, и покупателям, которые могут обратиться за консультацией.

Усевшись в углу лавки перед стопками книг, приготовленных ещё со вчерашнего дня, начинаю раскладывать потрёпанные тома, томики и брошюрки, деля их по степени изношенности и достоверности. Владелец бубнит что-то вслух, одинаковым тоном разговаривая сам с собой и с приказчиком, отчего последний вынужден переспрашивать и вечно выглядит дураком.

Запах книжной пыли, нагретых на солнце камней, чернил и бумаги, ворчание старого букиниста и вечное переспрашивание уже немолодого приказчика. Почти уютно... не работа мечты, но в общем и целом, жить можно.

Листаю книжные страницы, вглядываясь дня начала в текст, трогая бумагу и даже нюхая чернила. Есть, знаете ли, способы определить подделки... Не хочется трать время на

заведомую ерунду, поэтому проще так, сначала «начерно» пробегаю.

– ... вечно ты, ирод, – уютно ворчит букинист на приказчика, погодя, пока покупатель не отойдёт подальше.

– Уби-или! – пронеслось над рынком, – Зарезали-и! Ой, Божечки...

– Што творится, люди добрыя! – кликушески подхватил женский голос, – Прямо средь бела дня, при всём честном народе...

– Так это... – встрепенулся приказчик, растопырившись всем телом и кажется, даже ушами, – я схожу? Поглядеть!

– Сиди, щегол, – заворчал Евсеич, – смотреть он пойдёт... ишь! Ноне такие времена, что и не знаешь, што лучше! Оно иногда и знать ничего полезней будет, так-то!

Но пятидесятилетний «щегол» Антип всё ж таки сходил и вернулся не скоро, чуть не через полчаса, отчего хозяин изрядно озлился. Привычно выслушав упрёки, приказчик смолчал и снова принялся за работу. А часом позже, когда Евсеич старческой рысцой потрусил по нужде, Антип сказал негромко, пользуясь затишьем перед лавкой:

– Я там всяко разного наслушался, где человека зарезали-то. Ерунду пересказывать не стану, потому что... ну какой он немецкий шпиён, чёрт бы этих кумушек драл! Какие там мстители народные!

Смутившись упоминанием в одной фразе покойника и чёрта, он закрестился и пробормотал короткую молитву.

– Так знаете, Алексей Юрьевич? – неожиданно сказал он, – Про вас говорили!

– Хм...

– Ей Богу! – перекрестился приказчик, – Не так, что будто бы вы убили, а отдельно этак. Я ж там долго толкался, потому как дело и правда непростое. Там... я потом всё объясню по убитому, Алексей Юрьич. А просто, знаете... вот так вот – убитый и все эти...

Он скривился, будто надкусил гнилой лимон.

– ... разговоры бабские. А потом р-раз! Вас уже обсуждают. Несколько слов, и мутно этак, с душком. Сразу и не сообразить, но ежели всё в кучку собрать, то так выходит, будто у вас миллионы немеряные, и вы их не иначе как грабежами заработали.

– Та-ак... – медленно протянул я, пытаюсь собрать в кучку разъезжающиеся мысли, – это кому я дорогу перешёл?

– Вот уже чего... – развёл руками Антип и тут же замолк, покосившись в сторону возвращающегося из сортира Евсеича.

– Благодарю, – киваю я, – буду должен. И по возможности...

– Попрошаю, Алексей Юрьевич, – согласился «щегол», – но сами понимаете...

А я, вот честно, не понимаю ни-че-го...

Домой я возвращался, сжимая в кармане пиджака руко-

ять пистолета и подозревая всех и вся, готовый чуть ли не стрелять на поражение при первой okazji. Даже в ванную комнату, памятуя о первом этаже, пошёл с пистолетом, взяв притом ещё и запасную обойму к нему.

Признаться, я изрядно струхнул, да и... а кто, собственно, и не испугался бы?! Мазурики, это страшно, но в общем-то понятно и не то чтобы безопасно, но зло знакомое уже не так и страшно. У них есть свои «Иваны», с которыми можно договориться, а вернее всего – разговаривать через скупщиков краденого. Я, как букинист и немножечко антиквар, имею о них некоторые представления...

А здесь – нате! Убийство! Ладно ещё, если мои недоброжелатели просто в толпе были и случаем воспользовались... А если нет? Если убийство затем и было, чтобы обо мне слухи распустить?!

– Да ну, бред, – успокаиваю сам себя, проверяя прочность шпингалета и вытирая полотенцем голову подрагивающими руками, – точно случай! Совпало так!

Однако потряхивает... логика в таких делах слабо помогает. А я, хотя и несколько более тёртый жизнью, чем большая часть московских обывателей, и сам по сути обыватель. Училище и армия, это конечно та ещё жесьть, но скажем так... упорядоченная. Структурированная. Бытие нелегалом в Испании тоже «по лайтам» прошло.

Ну да, были в моей жизни поножовщины и драки толпа на толпу, но всё это в безмозглой юности и на адреналине. А

так, ждать непонятно чего и не понимать при этом, чего же мне собственно бояться...

– Стрёмная ситуация.

– ... на стол накрывать прикажете, Алексей Юрьевич? – прервала мои размышления Глафира.

– А? – не сразу понял я, тупо глядя на служанку, застывшую смирным сусликом, – Давай, накрывай. Отец к обеду будет?

– Нет, – поджала губы служанка, – с сослуживцами обедать собирался.

– Хм... – потираю подбородок, озабоченный грядущим появлением пьяного тела. У папеньки «встреча с друзьями» всегда этим заканчивается... Да собственно, вообще любая встреча.

Обедал без особой охоты, в голову лезла всякая конспирологическая дрянь вперемешку с предположениями, кому и как я мог перейти дорогу. А эта тема такая... не самая простая.

С одной стороны, я не то чтобы вовсе уж головастик, но и никак не серьёзная добыча, а так... карасик костлявый. Шипов и чешуи больше, чем мяса. Схарчить в общем-то несложно, но особого смысла нет. Серьёзные люди должны знать, что собственно запасов ценностей я в доме не храню, а несерьёзные...

– А вот здесь могут быть проблемы, – сказал я вслух.

– Вы что-то сказали, Алексей Юрьевич? – озадачилась

Глафира.

– Сам с собой, – отмахиваюсь от неё и доедаю молча, обдумывая не такой уж невозможный вариант музуриков залётных, из числа тех же дезертиров, к примеру. Эта публика кровь лить не боится, но вот собственно уголовного ремесла почти не знает, а ведь в нём немало тонкостей! Слежка, наводка, проверка информации... продажа награбленного, наконец.

Случаев, когда такие вот резкие и дерзкие вырезали в Москве целые семьи по факту из-за мелочи, хватает. Кто-то что-то сказал, другие не поняли, третьи додумали... а итог известен. Из-за копеечных безделушек людей убивали, думая, что у них дома несметные сокровища хранятся.

– Очень вкусно, благодарю, – через силу улыбаюсь служанке, вставая из-за стола.

– А съели-то всего ничего, – вздыхает та.

– Мигрень, – глазами показываю на окно, где хорошо видны нависшие над городом тяжёлые тучи, – сама понимаешь.

– А... ну да, ну да... – мелко кивает та, моментально преисполняясь сочувствием, – вы бы полежали, Алексей Юрьевич!

– Вот чтоб я без тебя делал, – улыбаюсь ей, но женщина принимает мой мягкий сарказм за чистую монету и расцветает, убирая стол с сияющим видом человека, достигшего неких вершин. Аж неловко...

Запершись в спальне, пытаюсь думать, но всё время сби-

ваюсь на неизвестных злоумышленников, и ругнувшись на свою мнительность, раскладываю по комнате оружие, и только после этого несколько успокаиваюсь.

– Может, набрёл на что-то? – спрашиваю сам себя, валясь на скрипнувшую железную кровать, – Какой-нибудь фолиант, ценности которого я не понимаю... Да нет, бред! Обокрасть проще! Слухи-то зачем?

К какому-либо выводу я так и не пришёл, так что отстал на время упаднические мысли и принялся за переписку с мамой, но надолго меня не хватило.

– А может, действительно? – задумался я, – Отойти потихонечку от Сухаревки...

Некоторое время я помечтал, что могу спокойно заниматься переводами и лингвистическим анализом, но...

– Деньги! С-сука... – озлившись, я с хрустом разгрыз карандаш, зажатый доселе в зубах, – Да тьфу ты!

– Деньги за это не то чтобы большие, – продолжаю, отплевавшись и немного успокоившись, – в основном репутация. Всё это, конечно, взаимосвязано... но нет, без Сухаревки я проживу, но хреново...

Цены в последнее время поползли вверх вовсе уж без удержу, а папенька и сёстры, как нарочно, не замечали ровным счётом ничего.

Дражайший родитель витает в алкогольных парах, приправленных несколько сдвинутой уже психикой. Он давно не в адеквате, и такое впечатление, начал всерьёз верить соб-

ственным же завиральным байкам.

По крайней мере, он уже начал намекать мне (притом достаточно толсто), что у меня есть знакомые писатели, и он, Юрий Сергеевич, готов поделиться с ними бесценными воспоминаниями о своей необыкновенно интересной молодости. Интересуется притом настойчиво, сколько платят соавторам, и сомневается, хватит ли талантов Гиляровского для написания авантюрного романа о его, папеньки, приключениях.

Люба живёт предстоящей свадьбой и семейной жизнью, а любая попытка поговорить с ней, объяснить ситуацию как есть, заканчивается дрожащими губами, слезами и полным нежеланием принимать хоть что-то. Нина живёт отражением чужого счастья, и пусть пока ещё мальчишки это «Фу!», она уже мысленно примеряет на себя фату и... что там ещё девочки делают, не знаю.

В общем... я пытался, честно! Это не первая проблема, с которой я сталкивался, но после недавних слов старшей сестры, с какого-то перепугу решившей считать наше (моё в том числе!) детство чем-то идиллически-буколическим, плюнул. Она и так-то не интеллектуалка...

Собственно, если бы не Севастополь с его переизбытком молодых мужчин и незамужних девушек, шансы Любы на удачное замужество были бы не слишком велики. Всех достоинств, что происхождение аристократическое, да восемь классов гимназии окончила, а так...

Бесприданница при не самой интересной внешности и далеко не сахарном характере могла бы ожидать предложения руки и сердца скорее от заурядного мелкотравчатого чиновника, или может быть, какого-нибудь «вечного» студента, с соблазнительной перспективой погрузиться в народничество и народ. А с её-то характером...

От папеньки она унаследовала не только внешность, но и гоно́р, разве что с поправкой на возраст и пол.

Головная боль начала проходить, и на смену ей пришло оупение. То самое, когда физически всё нормально, а голова способна выдавать только шаблоны, притом самые примитивные, едва ли не животные. Помучавшись и попытавшись перебороть это, плюнул, и начал отрабатывать выхватывание пистолета из разных позиций.

Меня учили. Сперва в военном училище, потом в Испании пересекался с бывшим наёмником. Не то чтобы я сильно хотел, просто тот тип был кем-то вроде смотрящего в нашем гетто, а мне он благоволил. Ну и... иногда проще кивать и играть в поддавки, особенно когда тебе это ничего не стоит, а плюшки получаешь изрядные.

Энтузиастом практической стрельбы, да и стрельбы вообще я не стал, да и с военной подготовкой после гетто в общем-то завязал. Нет, было пара случаев...

Заклучал как-то крупный для меня контракт с пожилым швейцарцем, и слово за слово... Опомниться не успел, а мы

уже на личном стрельбище, и учить меня не абы кто, а призёр и победитель международных чемпионатов. Две недели стреляли, пили, ели, бродили по горам... и к слову, так и остались друзьями. Харизматичный дядька.

Н-да... чемпионом я не стал, но точно знаю, как надо, и что ещё важнее – как не надо.

– А с другой стороны, – пробормотал я, с тоской глядя на разложенные пистолеты и предвкушая сбитые до крови руки и не самое интересное для меня времяпрепровождение, – во времена перемен такие таланты более чем востребованы! К сожалению...

Начал как всегда медленно, вбивая движения в подкорку. Я делаю иногда эти упражнения, но так, от случая к случаю. С перерывами в несколько месяцев.

Я уже успел пропотеть и сбить руки, когда неожиданно в дверь позвонили. Похолодев, я вбил обойму в рукоятку и...

– ... ой, барышни приехали! – суетилась в прихожей Глафира, сияя искренней радостью и помогая им разоблачаться.

«– Как нельзя вовремя» – мелькнула сардоническая мысль, и я вышел встречать сестёр.

– Алексей! – обрушился на меня вихрь объятий, торможений и поцелуев, едва уловимо пахнувший духами, – Как мы рады тебя видеть!

– ... завтра утром уезжаем, – делилась Люба, помалу кусая знаменитые пирожки Глафиры и закатывая глаза, показывая млеющей служанке, как она скучала без её стряпни, –

я оказией воспользовалась и...

... дальше, очевидно, было то самое, женское, от чего у меня только белый шум в голове и отдельные слова, никак не вяжущиеся друг с другом.

– ... а по подолу пустим... – поясняла Люба.

– ... нет, нет и нет! – Нина энергично размахивает руками, изображая не иначе как флажковую азбуку, а далее снова женский шифр, в котором я понимаю только междометия.

«– Как мало человеку нужно для счастья, – старательно удерживая покерфейс, думал я, – замуж позвали, и всё, переменялся человек». Не выдержав этого потока сознания, извинился самочувствием и ушёл к себе.

Достаточно быстро тон разговора переменялся, и через закрытую дверь до меня начали доноситься фразы о счастье материнства, хихиканье и все эти словечки, которые в общем-то невинны, но тон...

... но хихиканье! Ужасно, право слово. Понимаю умом, что ничего «такого» в гостиной не говорят, но не могу отделаться от ощущения, что они тайком листают иллюстрированную «Камасутру», не меньше!

Потом они несколько утомонились и я вышел в гостиную. Люба, которую опять повело на ностальгию по тому, чего никогда и не было, начала вспоминать какие-то эпизоды из детства, густо приправляя их фантазией и розовыми соплями.

Я сдерживался, напоминая себе, что через три недели она выходит замуж, но помогало слабо. Особенно с учётом на-

двигающихся революционных событий...

Досиделись допоздна, и до появления папеньки. Растрёпанный, с мутными глазами и невообразимо воняющий алкоголем, перегаром, табаком, дешёвыми женскими духами и почему-то маринадами, он с трудом держался на ногах, вцепившись в дверной косяк.

– Юрий Сергеевич... – тут же захлопотала Глафира, подбегая к нему и норовя подлезть под руку, чтобы подпереть нетвёрдо стоящее тело.

– Я сам, – решительно отстранив горничную, с трудом выговорил дражайший родитель, и сделал первый шаг, расставив по-кавалерийски ноги.

– Эк, эк, эк... – говорил он при каждом шаге, приседая всё ниже и ниже, пока я не подхватил его под руки.

– А? – уставился на меня папенька, и опознав, полез с поцелуями и признаниями в любви.

– Наследник, – он нетвёрдо выговаривал слова, так что я скорее угадывал, – молодец... весь в...

Он отвлёкся, и я было испугался, что папенька обоссётся, но обошлось.

– Сын! – прошепелявил он, пьяно улыбаясь, – Наследник!

– Они-то что... – папенька кивнул в сторону дочерей, – замуж, и чужие люди. Будут стараться...

Мерзко хихикнув, он пальцами левой руки сделал колечко и ткнул туда указательным пальцем, продолжая хихикать и сально улыбаться.

– Мать бы порадовалась... – внезапно переменял он тему, погрузнев и обвиснув брылями, – мы с ней когда-то...

Не договорив, он сосредоточился и с необыкновенно интеллектуальным выражением на лице обоссался.

– Пошли в спальню, Нина, – сухо сказала Люба младшей сестре, сидевшей с окаменевшим лицом.

– А я ведь проигрался, сын, – доверительно сообщил мне дражайший родитель, хватая за руку, – много! Ты теперь дож... должен. П-нял? А карточный долг, он того... чести... П-нял?

Пристально посмотрев на меня и убедившись, что я «п-нял», Юрий Сергеевич уронил голову на грудь и заснул.

Глава 4

Артхаус, нокаут и долги дражайшего родителя

В гимнастическом зале тесно, и несмотря на раскрытые настежь окна и двери, душно. Солнечный свет, проходя через приветливо распахнутые оконные створки, подсвечивает стоящий клубами табачный дым, придавая ему какой-то нездешний золотистый ореол.

Посередине установлен ринг, вокруг, как в самодеятельном театре, в несколько рядов расставленные лавки и стулья, предназначенные для судей, репортёров, медиков и тренеров. Прочие, за недостатком места и избытком желающих, вынуждены стоять. Впрочем, этим никто не смущается, воспринимая все неудобства как единственно возможный вариант, не предполагая даже иного развития событий.

Народу в зале человек под триста, что по здешним меркам весьма значимое мероприятие. Любительские соревнования, даже относительно крупные, это пока такие вот междусобойчики, на которых собираются все причастные, а прочие вынуждены довольствоваться пересказами, газетными заметками и фотографиями, а то и рисунками.

Спортивных сооружений, способных вместить достаточное количество желающих, в Российской Империи просто

нет, если не считать таковыми ипподромы и плацы. Некоторые организаторы проводили соревнования в арендуемых цирковых шатрах, или снимая для этой цели здание театра, но идея как-то не прижилась. Дурной тон, наследие Нижегородских ярмарок... фу!

Вообще, по летнему времени и при хорошей погоде, соревнования проводят на открытом воздухе, да так оно, собственно, и задумывалось. Однако же в Российской Империи на каждый чих принято брать разрешение в МВД, что далеко не просто.

С началом войны этот проржавелый железный дровосек активизировался, мутировал, и начал выдавать на-гора инициативы, связанные с запрещением, пресечением и наказанием. Самое интересное, даже чиновники МВД признают проблемы министерства и жалуются на невообразимо громоздкую бюрократическую структуру и бесчисленное количество устаревших и откровенно вредных законов.

Но эта гидра полицейского бюрократизма, мракобесия и произвола продолжала жить, процветать и отращивать новые головы взамен утраченных. Вследствие этого складывается странное впечатление, будто бы химера МВД живое, разумное и самостоятельное существо, а все эти чиновники, полицейские и прочий люд есть ни кто иные, как служители некоего культа.

С марта же ситуация стала вовсе печальной, и было уже несколько анекдотичных ситуаций, когда арестовывали сва-

дью или похороны. Шума это наделало изрядно, но несколько не изменило позиции властей.

Ситуация же, при которой соберётся несколько тысяч человек, так или иначе связанных со спортом, привела МВД в ужас, и не помогли даже связи основателей Гимнастического общества. Дядя Гиляй, свирепо раздувая усы и ругаясь так, что покраснели бы даже коренные обитатели Хитровки, поведал нам, что циркуляр пришёл с Самого Верха.

Он не сказал, насколько этот Верх был Самым, но люди подогадливей сопоставили прозвище «Царскосельский Суслик» (которое начало хождение в народе как бы не с лёгкой руки Владимира Алексеевича) и поняли всё даже сквозь вынужденную самоцензуру именитого репортёра. Любви и уважения к Самодержцу это не прибавило, так что даже сторонники абсолютистской монархии мямлили нечто нерешительное, сбиваясь и замолкая при подборе аргументов в пользу такого решения.

Вообще, чемпионат начался как-то наперекосяк, начиная с ограничительных мер по линии МВД, заканчивая организацией вообще. Как сглазили!

Сперва власти не разрешили проведение мероприятия в одном из парков Москвы. Потом в другом... Затем была отвергнута вполне здравая идея, провести его в одном из дачных посёлков, в достаточном отдалении от древней столицы. Не иначе, в МВД полагали, что возбуждись кровавым зрелищем, дачники примутся штурмовать пригородные поезда,

и к городу подъедет уже спаянная революционная группа, нацеленная на уничтожение самодержавия и штурм Кремля.

Организаторы решили было провести чемпионат в здании реального училища, арендуемого Гимнастическим обществом, но будучи уже взвинченными до крайности, ухитрились переругаться по какому-то пустячному поводу. Люди воспитанные, ругались они более чем корректно. Они уже успели пожалеть о том и помириться, но бои в итоге пройдут в спортивном зале одной из гимназий, где по такому поводу пришлось спешно оборудовать раздевалки и проводить достаточно большое количество подготовительных работ.

Народ собрался самый пёстрый, начиная от именитых спортсменов и журналистов, заканчивая «отцами-основателями», многие из которых далеки от спорта; меценатами, банкирами, наблюдателем от МВД и (вишенка на торте!) несколькими чиновниками Министерства Народного Просвещения. Последние – результат какого-то сложного соглашения между организаторами и Министерством Народного Просвещения, согласно которому наши соревнования проходят под эгидой этого самого Министерства.

Для нормального общества это более чем странное решение, но в Российской Империи привыкли к тупоумию властей, обходя самые идиотические указы с помощью таких вот странноватых методов. К слову, не удивлюсь, если окажется, что такой вот выход из положения подсказали сами

чиновники МВД.

Именитые спортсмены, всё больше в бриджах, жилетках поверх лёгких рубаш и легкомысленных кепках, перемешались с солидно одетыми господами в чесучевых костюмах, эксцентричных джентльменами в цилиндрах и чиновниками в мундирах. Есть и чудики, потеющие в шерстяных костюмах, почитающие их единственно возможной одеждой, приличной уважаемому человеку. Есть и несколько признанных борцов и силачей, одетых во фриковатом народном стиле, в смазанные сапоги, красные косоворотки и плисовые шаровары. Они окают, акают и всячески народничают напоказ, хотя у каждого второго за плечами если не гимназия, то как минимум коммерческое городское училище. Этакий патристический тренд...

Всё это непрестанно перемешивается, переговаривается, жестикулирует, обильно потеет и дымит, как в последний раз. Смешение гардеробов, голосов, запахов и манер необыкновенно пёстро и своеобразно, этакий человеческий калейдоскоп.

Выглядит это артхаусно и необыкновенно живо, так что время от времени ловлю себя на том, что начинаю вертеть головой в поисках камеры. Всё-то кажется, что сейчас раздастся команда «Снято!» и взлохмаченный режиссёр примется раздавать указания, расставляя статистов и добавляя декораций.

Я не большой любитель фестивального кино, Феллини и Кустурицы с прочим андеграундом, но ей-ей, здесь и сейчас я начал понимать всю прелесть таких фильмов. Иногда, под настроение... ведь жизненно, чёрт побери! Жизненно!

А разговоры...

– ... а за что?! – возмущается обильно потеющий сухопарый господин в старомодном чесучевом костюме из тех, что носят не от безденежья и экономии, а как некую дань молодым годам, когда трава была зеленее, вода мокрее, а женщины моложе, – Ну, ударил открытой ладонью, и что в этом такого!

– Может, – возбудился он, начав для убедительности стучать массивной тростью о пол в такт словам, – запретят ещё и за голову противника прихватывать?! Ногами бить и броски делать ведь уже запретили!

– Ну это вы лишку хватили, Валерий Емельянович, – живо возразил ему собеседник, такой же немолодой, но вполне современный господин, не чуждый модных тенденций и несколько даже злоупотребляющий ими для своего возраста, – утрировать не надо! Тоже... прихватывать запретят, скажете!

– Э, нет... – несколько бесцеремонно влез в беседу полноватый молодой человек, из тех теоретиков спорта, которые ищут себя везде понемногу, но нигде не находят, однако же ухитряются обзавестись некоторым апломбом, а в определённых кругах и авторитетом знатока, – не скажите! Спорт

развивается, меняется, и вместе с ним меняются правила. Пройдёт время...

Я начал было прислушиваться, но сидящий рядом тренер забубнил как мантру:

– Не надо нервничать... не надо! Всё будет хорошо...

При этом он так живо ёрзал на стуле, шевелил ступнями и кусал губы, что я начал беспокоиться за него. Не сразу и сообразил, что успокоить он пытается меня.

– Пахомов, он боец... – начал было тренер, нервно дёргая себя ус.

– На ринг вызываются бойцы лёгкого веса... – перебил его распорядитель, и в зале тут же загомонили так, что имена и фамилии бойцов скорее угадывались.

– ... Арена Физического Развития, – перекрикивая шум, надрывается распорядитель, – и Савин Игорь Ильич, Сокольническое общество любителей лыжного спорта! Приготовиться...

– Не нервничай! – с новой силой начинает Денисов, дёргая уже порядком поредевший ус.

– ... Пыжову Алексею Юрьевичу, представляющему Русское Гимнастическое общество, и Архангельскому Дмитрию Ивановичу, представляющему Сокольническое общество любителей лыжного спорта!

– ... так я того щенка, – донеслось до меня обрывочное, а между канатов уже проскальзывали на ринг низкорослые бойцы лёгкого веса. Абстрагируюсь от артхауса и разгово-

ров, пытаясь сосредоточиться на том, что происходит внутри ринга, но получается откровенно плохо.

– ... слева, слева его... – потеет адреналином тренер, яростно болея против Сокольнического бойца.

– Не-ет... то ли дело мы в Кембридже, – с грустными нотками ностальгии продолжил старомодный чесучевый господин тему своей незабвенной молодости, – всё не то, господа, не то! В упадок приходит благородное искусство!

Я склонен к тому, чтобы согласиться с ним. Ну безобразия же, право слово! Бойцы лёгкого веса, долженствующие показывать чудеса если не техники, то как минимум скорости и грации, размахивали кулаками с энергией гимназистов младших классов, и с немногим лучшей техникой.

Они прыгали и наскакивали друг на друга бойцовыми петухами, пытались прихватить соперника за голову и совершенно, вот совершенно не прикрывались!

– Славно, – подал голос чесучевый господин за моей спиной, – экие молодцы! Ухари!

Я покосился было на него, но смолчал. Ухари, не задумываясь, шли на размен ударами, норовя прежде всего достать противника, и только потом уже думая о защите. Ещё не закончился первый раунд, а уже есть несколько «сечек», что в эти суровые времена не может служить препятствием к бою.

Наконец прозвенел гонг, знаменуя окончание первого раунда, и бойцы разошлись углам. Засуетились тренеры и секунданты, обтирая их полотенца, давая попить и... поку-

ритель. Спешно прикуренная сигарета была приставлена к разбитым губам Савина, и тот сделал несколько торопливых затяжек, кивая наставлениям суетящегося тренера.

– Бойко, – одобрительно сказал сидящий слева от меня тяжеловес Ильин, азартно разминая кисти рук. Я покосился на одноклубника и смолчал, не желая вступать в спор.

В гимнастическом обществе я появляюсь нечасто, и больше занимаюсь акробатикой, да в последнее время ещё фехтованием. Хотя и я выиграл несколько боёв, всерьёз, как боксёра, меня не воспринимают. Для одноклубников я «ловкий чертяка», а мои наработанные уклоны и нырки считаются почему-то «природной ловкостью» и «следствием занятий гимнастикой».

Мне пеняют за «излишнее бережение» и искренне не понимают, что человек, то бишь я, в принципе не желает, чтобы его били по голове! Да собственно, и по другим частям тела. Напротив, здесь бытует такое мнение (не изжитое до конца и десятилетия спустя), будто бы голову, равно как и всё тело, можно «закалить».

То, что я при такой «недостаточной стойкости» выиграл все бои, не получив ни разу по морде, боксёрским сообществом отвергается как несущественное. Есть, есть немногие раскольники... но в общем, одним из качеств хорошего кулачного бойца, и следовательно, боксёра, считается умение держать удар (с чем я и не спорю) и умение держаться на ногах любой ценой.

Бытует мнение, что умение удержаться на ногах после тяжёлого удара по голове, и вставать на ноги снова и снова, неким метафизическим образом показывает не только уровень здоровья (и упоротости), но и некоторым образом силу духа. Умение оставаться на ногах не только после ударов по морде, но и после ударов Судьбы!

Бред, как по мне... сколько знаю «спортиков» уровня хотя бы чуть выше средненького любителя, так никакой метафизики за ними не припомню! Скорее наоборот, они как никто быстро спиваются и скатываются на дно человеческой жизни. А удары держат, да... в морду. Но никак не жизненные!

Всерьёз ко мне и к моим боксёрским талантам относится, пожалуй, только дядя Гиляй, Денисов, да отчасти братья Старостины. Впрочем, последние с большим пиететом относятся к боксу вообще, я а ещё и один из немногих, кто готов тратить на них время и объяснять различные тонкости.

Второй раунд ознаменовался яростной атакой Милюкова, дальнего родственника опального политика, пребывающего ныне в горах Швейцарии не то в эмиграции, не то в бегах после того, как он оказался замазан в заговоре против монархии...

«— Да тьфу ты!» — потеряв уши, стараюсь выбросить из головы политику, сосредоточившись на бое. Получается, честно говоря, неважно, бой откровенно неинтересный. А вот ситуация с Милюковым и Ко...

— Давай, Алексей, сосредоточься, — забормотал Денисов,

нервно сжимая руки, – бойцы сегодня хороши как никогда, такие и на чемпионате России могли бы занять призовые места!

Я покосился на него... нет не шутит. Потом вспомнил, что чемпионаты ныне такие... своеобразные. В тысяча девятьсот одиннадцатом, например, прошло аж три чемпионата России (официальных!), на одном из которых за чемпионские титулы и места на пьедестале почёта сражались исключительно боксёры Петербурга, числом не то двадцать шесть, не то двадцать семь... Такой себе междусобойчик. Как бы даже не из одного клуба.

На другом, столь же официальном чемпионате страны, бойцы из Санкт-Петербурга сразились с представителями нескольких эстонских клубов, и тоже – чемпионы...

Не обычные в общем-то межклубные встречи, которые в моём времени ни на что почти не влияют, а официально – с медалями, славой и уважением. Всерьёз!

Был и третий чемпионат Российской Империи в том преснопамятном году, но вот подробностей уже не помню... Вроде как те же питерцы, какой-то из клубов Эстляндии и боксёры Малороссии, но кто там победил... нет, не помню!

В общем, чемпионов мира, вселенной и окрестностей с избытком, а вот хороших бойцов среди них мало. За исключением Харлампиева, который дрался и побеждал (вроде как) в таких же исконно-суконных чемпионатах, но на уровне более развитой в этом отношении Франции и (это не точ-

но!) Европы, да нескольких самородков, припомнить я никого и не могу.

– ... какой удар! – восхищается Левашов, дёргая меня, – Видел? Нет, ты видел?! С плеча!

Давлю вздох и киваю, поглядывая на поднимающегося с настила Савина. Объяснять, что это был не удар, а скорее толчок, и что бить нужно так, чтобы волна шла от носка, а не одним только корпусом, бессмысленно.

В Европе, да и в мире в целом, это начали смутно осознавать, но умение закрутить удар хотя бы «от бедра» есть не у каждого профессионального боксёра. Выезжают обычно на лошадином здоровье и уникальных физических данных...

– Стоят, стоят! – в голос орал сзади какой-то поклонник «бокса старой школы», – Ах, как стоят!

Поклонник несколько сумбурно, но довольно-таки поэтично сравнил двух боксёров с пехотной цепью Наполеоновских времён, стойко выдерживающих артиллерийский обстрел. Несколько удивившись сравнению, я покосился на него краем глаза и продолжил смотреть.

Бойцы, накрепко вцепившись ногами в ринг, яростно молотят друг друга, изредка делая крохотные шажочки в одну или другую сторону, и воспринимая защиту не иначе, как слабость. Удары частично смягчаются уводом корпуса назад, сбиваются перчатками и предплечьями, да принимаются на плечи.

В целом, для местной шпаны этого хватит с лихвой! Но

вот к боксу, как я его знаю, этот лихой махачь имеет весьма отдалённое отношение...

Снова посетило острое чувство сожаления. Мне бы к продвинутой по этим временам технике и отменной реакции, ещё бы челюсть чугунную и здоровье лошадиное! Не то чтобы судьба профессионального спортсмена так уж меня прельщает, но...

... всё-таки жаль.

«— Мясорубка», — давлю тошноту при виде окровавленных лиц, оскаленных зубов и запаленного дыхания бойцов. Неинтересно...

Некоторое разнообразие вносят попытки бойцов использовать «грязные» трюки, вроде тех же ударов открытой ладонью, да прихваток за шею, но в целом... Любой мало-мальски опытный боксёр, за исключением может быть только офисного планктона, занимающегося боксом исключительно ради кардио, знает эти трюки весьма недурственно. Знает, и как правило, умеет применять.

По крайней мере – в России. У нас там «бокс» и «улица» понятия почти тождественные. Знаю... знал десятки боксёров, и все они, без исключения, если не прошли через криминал, то как минимум потёрлись рядом. Да собственно, в контактных единоборствах это скорее норма, чем исключение.

А я так и вовсе базовый рукопашник, для меня эти прихватки и прочие «грязные» элементы старого бокса, едва ли

не основа-основ. Поучить могу... Опять-таки, улица не понаслышке знакома. Тоже... потёрся.

И снова внимание на ринг... он уже мокрый от пота, капающего с бойцов, и крови. Лица боксёров в крови от многочисленных сечек, в глазах уже никаких мыслей, кроме а движения, и без того не блиставшие техникой и разнообразием, стали ещё проще.

Иногда они, послушав тренера или секунданта, пытаются сделать что-то технически сложное, но не получается.

– ... какой бой, какой бой! – восхищается Ильин, – Что ни говори, а стойкие бойцы!

– ... я в восемьдесят восьмом таким вот ударом... – доносится от Гиляровского, азартно размахивающего руками.

– ... необыкновенно жаль тех, кому не выпала возможность попасть на этот необыкновенный турнир, проведённый в лучших традициях олимпийского духа! – с одухотворённым лицом диктует репортёр сам себе, наспех стенографируя в блокноте.

Наконец, этот ужас закончился, и решением судей победа была присуждена Савину. В зале заспорили, я уже совал в рот гуттаперчевую ленту, прикусывая её поудобней зубами.

Один из судей, увидев это, покачал неодобрительно головой, но ничего не сказал. Турнир у нас любительский, а наличие или отсутствие капы в таких случаях обычно остаётся на совесть самого спортсмена. В основном, к слову, капой не пользуются...

Ринг замыли и протёрли насухую, собрав с пола парочку зубов.

– ... следующая пара бойцов...

Денисов торопливо шнурует мне лёгкие перчатки, пока распорядитель зачитывает наши антропометрические данные.

– ... вес три пуда пять фунтов, рост пять футов четыре дюйма¹⁹. Размах рук...

Давлю желание перепрыгнуть через канаты, и подныриваю под них, оказываясь на ринге. Сразу же сбрасываю с плеч куртку и начинаю пританцовывать на носках, не обращая внимания на недоумённые возгласы и смешки.

– Давай, Попович! – и мой соперник подныривает под канаты.

«– Какой попович? Он же Архангельский?! А... сословие священнослужителей, наречён Алексеем... вот оно что!»

Боец Сокольнического общества старше меня лет на семь и поглядывает весьма самоуверенно. Он хорош собой, несколько даже фатоват и слащав, так и напрашиваясь на пасхальную открытку или рекламу конфет.

– ... соперники, пожмите друг другу руки... – шаг, касаемся перчатками, и снова расходимся назад. Почти тут же бьёт гонг, и Попович, выставив вперёд левую руку, бросает-

---

¹⁹ Чуть больше 50 кг при росте в 164 см. Напоминаю, ГГ ещё по сути подросток (16 лет), а средний рост в то время был сантиметров на десять ниже современного.

ся вперёд в каком-то фехтовальном выпаде. Это очень красиво... но это не бокс!

Ухожу от удара раз, другой... Джебь у него слабые, да собственно, сложно ожидать иного, если бьёшь за счёт корпуса, да притом не доворачивая его как следует. Ни силы, ни скорости...

«— ... а вот и короночка», — успеваю зафиксировать я, уклоняясь от корявого, размашистого бокового и посылая свинг через руку, да прямо в открытую челюсть. Нокаут...

— Очень, очень рад за вас! — мелким бесом рассыпается Лев Ильич...

... хотя чего это я...

Лев Ильич вполне респектабельный господин, очень приятный в общении, умеренно обаятельный и что называется — вхожий. Более того, он считается если не другом семьи, то как минимум старинным знакомым и потому имеющим право на некоторую фамилльярность.

— ... не поверите, но так приятно было удивиться, узнав о ваших успехах! Нет-нет... не подумайте ничего такого! — непринуждённо засмеялся он, лукаво щуря серые глаза, прячущиеся за лохматыми бровями. Весь его вид, какой-то профессорский, удивительно располагающий к себе, но вот суть...

— Я всегда верил, что у вас впереди большое будущее, Алексей... — собеседник мой ненадолго прервался, заказыва-

вая у подошедшего официанта с уверенностью завсегда.

– Простите, Алексей... – прервался он, – а вы что будете? Я угощаю. Нет-нет, не отказывайтесь!

А я и не думал. Настроение ни к чёрту и к горлу подкатывает ощущение беспомощности, закрывая чёрной занавесью логику, здравый смысл и самое желание жить. Но... держу покерфейс. Благо, физиономия у меня этому способствует, да и опыт сложных переговоров из прошлой жизни сказывается.

– Да-с... – энергично кивнул старинный знакомый, – всегда верил! Ребёнком ты был несколько книжным, но виделось что-то этакое... Признаться, я видел тебя репортёром, или быть может, филологом и историком, и пожалуй, небезызвестным! Но чтобы так скоро...

Лев Ильич качнул головой, улыбаясь так тепло, как могут улыбаться только близкие люди, радующиеся твоим успехам. Даже переход на «ты» в этом случае почти уместен.

– ... не ожидал, признаю! Спорт, профессиональные переводы... ты, кажется, ещё и по гимнастике соревнования выигрывал?

– Верно, Лев Ильич, – улыбаюсь в ответ, опуская костяную ложечку в чашку мороженым, – было дело!

– Вот! – воздел он палец к небу, – об этом-то я толкую! Ещё и букинистика... а неплохо ведь получается, верно?

– Скажете тоже, Лев Ильич, – смущённо улыбаюсь я, – Так... всё больше связи, знакомства...

– Не прибедняйся! – засмеялся он, грозя мне пальцем на правах старинного знакомого, – Не надо!

Пожимаю плечами и снова ковыряю ложечкой мороженое, не чувствуя вкуса. Жду...

– Да-с... – вздохнул он сочувственно, – такие таланты! А ведь всё может...

Он снова вздохнул и некоторое время помолчал, понемножечку лакомясь пирожным и пытаюсь всем видом показать, что аппетита у него нет, и как это неприятно – быть вестником, принесшим дурные новости. Выходит... да так себе, если честно. То есть приличия некоторым образом соблюдены, и если имеется желание обманываться, то этот сочувственный вид вполне сойдёт.

Я же, будучи несколько более взрослым и битым жизнью, да ещё и изначально негативно настроенный ко всем этим «друзьям семьи» и прочим папенькиным знакомым, вижу его выпукло, как под микроскопом. Не то чтобы откровенный мошенник... по крайней мере, себя он таковым не считает. Скорее – человек, решающий некоторые проблемы... с болью в сердце, да-с! Сугубо из приятного отношения.

А то, что он эти проблемы некоторым образом и создал... Ну или организовал, не суть. Вы не понимаете, это другое!

– Да-с... – ещё раз вздохнул он, и подтянув к себе мороженое, потыкал его ложечкой, довольно правдоподобно изображая, как тяжело ему это даётся, и что он совсем... ну вот совсем не имеет аппетита!

– Карточный долг... – последовал ещё один тяжёлый вздох, – неприятно... Но это долг Чести!

Я по поводу карточных долгов имею мнение противоположное, но молчу пока, бездумно поглядывая на заходящую в кафе молодящуюся даму с тремя детьми. Впрочем, не слишком пристально...

– Вы, Алексей, и без меня знаете живость характера вашего батюшки! – снова перешёл он на «Вы», как бы подчёркивая всю сложность ситуации, – Он и смолоду такой был... живчик. Остатки семейных капиталов промотал весьма резко, да и...

Лев Ильич весьма выразительно промолчал, дав мне додумать, что дражайший родитель промотал не только семейные капиталы и последние родовые земли, но и небогатое приданое матушки. А возможно, и не только... доходили до меня слухи, что за папенькой есть грешки разного рода, наподобие занятия в долг без отдачи, каких-то невнятных и бестолковых авантюр и прочего сора того же рода.

Собственно, это одна из причин, почему родовитый дворянин, пусть даже и промотавший состояние, не смог построить чиновничью карьеру, так и оставшись на одной из самых низких ступеней. Да, он не светоч разума... но право слово, видывал я сановников куда как глупее папеньки!

А всё тоже... репутация, мать её! Такой себе замаранный человек, который вроде и отскрёбся кое-как, но всё ж таки не до конца. Ну нельзя такого повышать, нельзя!

Точнее, в принципе можно... Но если бы Юрий Сергеевич продемонстрировал хоть толику здравого смысла и желания поменяться, то дело другое. А у него всё какие-то авантюры, азартные игры, сомнительные компании...

Так и остался до седых мудей пескариком, в чиновничьем пруду, всех достоинств которого – знатное происхождение и некоторая моральная нечистоплотность. Да-да... в некоторых случаях это тоже может быть достоинством. В очень немногих случаях...

– Хм... – подаю голос просто ради того, чтобы не выглядеть вовсе уж бесчувственным, – долги батюшки?

Всем своим видом показываю колебание. Дескать, где он, а где я... а репутация дражайшего родителя, равно как и рода, замарана по самые уши.

– Эхе-хе... – по-старчески завздохал Лев Ильич, – понимаю ваше сомнение! Батюшка не вы...

Он снова поковырял мороженое и как бы нехотя, набрав на самый кончик костяной ложечки, сунул её в рот, при этом всем своим видом показывая, что не очень-то и хочется, но раз уж пришли в кафе...

– Не вы... – повторил он и снова зачерпнул мороженое, – Я прекрасно понимаю ваши сомнения, и, говоря по совести, нахожусь на вашей стороне.

«– Сука! – у меня глаз чуть не дёрнулся, – на моё стороне он! Не знал бы, какую роль в этой дурнопахнущей истории ты играешь, так наверное, поверил бы!»

– Вы человек молодой, отчасти эмансипированный, – разглагольствовал он, уже вполне живо подъедая мороженное, – а батюшка и репутация рода...

Замолчав, он еле заметно пожал плечами, всем своим видом показывая, что не согласен с таким подходом, и более того – не понимает его! Но как человек взрослый, умудрённый опытом и обременённый образованием, не смеет навязывать другим своего мнения.

«– Сука... будь я подростком, меня бы эта „репутация Рода“ более чем проняла! По больному бить пытаются, а всё туда же... на моей стороне, помогальщик хренов.»

– Репутация... – вздохнул он, отскребая мороженое со стенок, – это не пустой звук! Но да, понимаю... молодость, склонность с решительным, и я бы даже сказал – отчаянным поступкам. Но видите ли, Алексей...

Со вздохом отставив мороженщицу в сторону, Лев Ильич замолк, глядя слегка в сторону и как бы собираясь с мыслями. В эту минуту он необыкновенно походит на врача, собирающегося сказать родственникам больного, что надежды не осталось.

– Видите ли, Алексей... – повторил он, – Юрий Сергеевич проиграл...

Он замолк, пожевав губами и как бы подбирая слова. Но видно, что они уже у него на языке, и всё это отрепетировано.

– ... в неудачное время, – наконец подобрал он слова, – Я не думаю, что свадьба вашей сестры расстроится из-за этого,

и уже тем более маловероятно, что может возникнуть проблема с вашей учёбой в университете. Но тем не менее, ситуация несколько... с душком. Вряд ли позволительно начинать семейную жизнь со скандала, да и знакомство с однокурсниками, поверьте моему опыту, может выйти не слишком удачно.

Хмыкаю, неопределённо пожимая плечами и делая ту многозначительную гримасу, которую позволительно иметь подростку, не желающему отвечать в данный момент ни «да», ни «нет». Я её в своё время долго подбирал и репетировал...

– Разумеется, – Лев Ильич просветлел лицом, как бы подсказывая выход, – Юрия Сергеевича можно признать недееспособным, нуждающимся в опеке! Он, признаться, в последнее время несколько... хм, пошёл вразнос. В таком случае всё его долги автоматическим образом аннулируются.

– Правда... – он слегка нахмурился и на короткое время замолк, как бы перебирая варианты, – весь вопрос в том, кому в таком достанется опека. Вы, Алексей Юрьевич, эмансипированны только частично...

Не договорив, мой собеседник замолк, предоставляя мне возможность додумать «радостную» для молодожёнов новость, взять на себя опеку над дражайшим родителем. Может быть, свадьбу это и не расстроит...

– Хм... – подаю голос, выждав положенное время. Во рту сухо, в голове пусто, и я уже почти дословно могу предста-

вить наш дальнейший разговор, – а есть другие варианты?

– Ест, как не быть! – охотно откликнулся Лев Ильич, – Я, признаться, в тонкости не вникал, но вроде как есть люди, готовые помочь вам, если и вы в свою очередь пойдёте им навстречу.

Он начала называть фамилии, а я, хотя и был готов к такому развитию разговора, ощутил дурноту. Все такие... жучки, с нечистой репутацией.

Если я пойду навстречу Льву Ильичу, кого бы там он не представлял, выбор у меня не велик. Либо я расплачиваюсь за долги дражайшего родителя, помогая сбывать коллекционерам сомнительного вида артефакты и фолианты...

... либо укладываюсь на настил ринга, пропустив удар в голову.

Глава 5

Теневые дельцы, террор и Бесславные Ублюдки

Пообещав «подумать», распрощался с Львом Ильичём, вышел из кафе, и отойдя метров пятьдесят, остановился на самом солнцепёке, встав на тротуаре столбом, позволяя косящимся и недовольно бурчащим прохожим обтекать меня, как валун в реке. Настроение... да ни к чёрту настроение!

Мысли потекли медленно и вяло, как вода в зарастающей камышом протоке, расцвётшей ряской, пахнувшей затхлостью и болотом. Какое-то дурное состояние, как будто мозг вот только что израсходовал все ресурсы и сильно перенапрягся. Хочется только лечь и лежать...

– К чёрту... – с трудом стряхнув сонное наваждение, повожу плечами и с минуту скрежещу проржавелыми шестерёнками разума, пытаюсь решить важнейший вопрос – идти мне сейчас домой, или прогуляться по Москве?

Домой не хотелось чуть больше, и я потащился пешком в сторону Сокольников. Поначалу вяло, едва находя в себе силы, чтобы передвигать ноги, а потом слегка разошёлся и пошёл бодрее. Мыслей по-прежнему ноль, но замечаю, тем не менее, приставленных ко мне наблюдателей.

Я далёк от мастерства подпольщиков и их антиподов, но

бытие на Сухаревке накладывает свой отпечаток, да и преследователи мои, надо сказать, далеки от филеров Медникова²⁰. Не вовсе уж сявки, а так... мелкие подручные на все руки, каких у любого теневого дельца хватает.

Вяло зафиксировав их присутствие, я продолжил идти в сторону Сокольников, а в голове заевшей пластинкой крутится только, что уступать нельзя. Снова, и снова, и снова...

При виде мороженщика я несколько оживился, и слопав возле тележки три порции пломбира, несколько пришёл в себя.

«— Глюкоза!» – вяло трепыхнулся мозг, будто недавно не получил в кафе дозу сладкого. Но видимо, разговор дался мне так тяжело, что съеденное во время разговора мороженое, сгорело как в топке.

В себя я пришёл, уже подходя к Сокольникам, став изображать не то чтобы вовсе уж хорошо, но хотя бы – изображать!

– Два пломбира, – протягиваю мелочь чисто одетому старику, стоящему у тележки с мороженым возле входа в парк, и получаю заветное холодное лакомство, зажатое вафельными кружками.

В тени вековых деревьев, напоенной запахами леса, разогретой на солнце травы и цветов, насекомых и прогретых во-

---

²⁰ Евстратий (Евстрат) Павлович Медников (декабрь 1853, Ярославль – 2 декабря 1914, Санкт-Петербург) – деятель российского политического сыска, соратник С. В. Зубатова, создатель школы агентов наружного наблюдения.

доёмов, я окончательно оклемался. К этому времени преследователи окончательно отстали от меня. По-видимому, у них была инструкция убедиться, что я не начну делать глупости вот прямо сейчас... а я и не намерен. Вот только глупость в моём понимании – поддаться на шантаж!

Да, бывают случаи, когда шантажисты, добившись искомого, удовлетворяются этим и удаляются из жизни несчастного. Вот только в моём случае все прямо-таки криком кричит о том, что милейший и сострадательнейший Лев Ильич настроен на долговременное... хм, сотрудничество.

Неважно, организовал он эту ситуацию сам, или действительно только посредник, воспользовавшийся оказией... Со всем неважно!

Если бы речь пошла о деньгах и только о деньгах, то я бы, пожалуй... Да, мог бы и дрогнуть! Тот случай, когда проще откупиться и выиграть время, а уж затем что-то думать и решать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.